

Храпов Ю.Т.

*Моим
родственникам,
детям,
внукам
и правнукам
посвящается.*

Семейная повесть

Новосибирск
2016

Семейная повесть – Новосибирск: ООО «Альфа-Порте»,
2016. – 100 с., илл.

Храпов Ю.Т.

СЕМЕЙНАЯ ПОВЕСТЬ

Отпечатано в ООО «Альфа-Порте»,
630007, г. Новосибирск, ул. Серебренниковская, 19/1, оф. 210
Тираж 25 шт. Заказ 99.

Содержание

Предисловие	5
Глава I. Немного истории.....	8
Глава II. Дети деда Семёна.....	14
Глава III. Песни моей матери.....	19
Глава IV. Детство и юность	37
Глава V. Война	49
Глава VI. Послевоенные годы	57
Глава VII. Учитель	67
Глава VIII. Семья	76
Глава IX. Друзья	86
Послесловие	90

ПРЕДИСЛОВИЕ

Годы бегут, идёт смена поколений. Уже почти не осталось ни участников Великой Отечественной войны, ни тружеников тыла, которые ковали великую победу, стали глубокими пенсионерами те, кто жил и помнил социализм, ещё меньше тех, кто пережил и коллективизацию, и индустриализацию страны. И всё громче стали слышны голоса тех, кто социализм изучал по произведениям Солженицына, который хотел быть единственным, знающим историю страны, всё больше идёт искажение нашей истории. Уже героев-панфиловцев, которые легли в могилы, отстаивая Москву, оказывается не было, а Олег Кошевой и молодогвардейцы Краснодона стали врагами независимой Украины, Александр Матросов в нетрезвом состоянии бросился на амбразуру, а Г.К. Жуков только и делал, что устилал дороги победы трупами соотечественников, да и наши отцы и деды лучше бы сдались фашистам и тогда нам всем было бы хорошо. Спросите молодёжь о социализме – они скажут: «А-а, это Гулаг!»

Прав был И.В. Сталин, который говорил, что после смерти на его могилу насыплют много мусора, но ветер истории сдует этот мусор. Вот и я хочу помочь ветру истории сдуть мусор с памяти о наших дедах и отцах, рассказать историю своей семьи, самой массовой семьи, не из дворян, не из героев, не из семьи «звёзд», не из номенклатуры высоких партийцев; обыкновенная семья, каких миллионы, которые прожили жизнь при социализме, помогут развеять некоторые современные легенды о нас. Это будет сугубо субъективный взгляд на наше поколение в пределах одной семьи, в которой дед был обыкновенным крестьянином из Саратовской губернии, приехавший на свободные земли Сиби-

ри. Его дети и внуки – все трудолюбивые люди, прожившие свою жизнь честно, их идеалами были не денежные знаки, а моральные нормы, общечеловеческие, если хотите, православные, если хотите, коммунистические. На мой взгляд, они идентичные.

Свою книгу я посвящаю своим внукам и правнукам, чтобы они из первых уст своего деда и прадеда узнали о нашей жизни. И, отвечая на заявления Арнольда Коха и Германа Грефа о плохом народе с тремя классами образования, скажу, да, наши руководители и с неполной духовной семинарией и тремя классами церковно-приходской школы сумели построить сильнейшее в мире социальное государство, перевели Россию из аграрного придатка Европы в промышленную державу и выковали оружие победы, изготовили ядерное оружие, победили в мировой войне и начали освоение космоса. А те, кто с Оксфордскими университетами, так ничего и не сделали для своего народа, плывут на гребне экономических законов, от одного кризиса до другого. А их ученики (Кох, Чубайс, Гайдар, Немцов, Греф) научились только грабить свой народ и ничего более. Истинно правда, что «самые большие патриоты России живут на Брайтон-Бич и ужасно, ужасно её жалеют». Собрать бы их всех вместе да отправить в Ирак или Сирию строить демократические процветающие государства по проекту их учителей из Вашингтона!

Автор книги – **Храпов Юрий Тихонович**, педагогический стаж которого более 50 лет, в том числе 48 лет работал директором школы. Последние 23 года возглавлял школу № 186 Октябрьского района г. Новосибирска. За трудовую деятельность более 40 раз был награждён Почётными грамотами различного уровня, лауреат премии Губернатора Новосибирской области «Лучший педагогический работник Новосибирской области», дважды награждён Почётными грамотами Новосибирского городского Совета депутатов,

грамотой Законодательного собрания Новосибирской области. Трижды (в 2003, 2008 и 2013 годах) награждён памятными медалями города Новосибирска «За труд на благо города». Награждён памятной медалью Новосибирской области «За вклад в развитие Новосибирской области», знаком «Отличник народного просвещения Российской Федерации», кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Тысячи его учеников получили высшее образование и работают в разных отраслях в Российской Федерации и за рубежом. С 2011 года на пенсии, за это время написал и издал книги:

1. *Педагогическая проза*. Основные проблемы современной школы и пути их разрешения. Издана в 2012 году.

2. *Право*. Учебное пособие для 10–11 классов общеобразовательных школ, лицеев, гимназий. Издана в 2014 году.

3. *Школа, мы твои ученики*. (Из истории школы № 186 города Новосибирска). Издана в 2015 году.

Окончил Новосибирский педагогический институт, аспирантуру по специальности «Теория и история педагогики», многократно делился опытом работы в районе, области, на региональных и международных площадках.

ГЛАВА I

Немного истории

*«Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было, –
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило»*

М. Лермонтов «Стансы»

К юго-западу от Новосибирска на 117 тысяч квадратных километров раскинулась Барабинская степь. Едешь по Омской трассе и сейчас поселения людей встречаются через 20–30 километров. Степь ровная, заболоченная, даже в разгар жаркого лета вдоль дороги стоит вода. Почвы здесь солончаковые, копнёшь лопатой, срежешь верхний дёрн и наткнёшься на белую глину, твёрдую, как камень. Растительность здесь бедная: полынь, ковыль да редкие заросли берёз и осин – колки. Полынь-трава жёсткая и горькая, питаться ею могут только овцы, а вдоль колков растёт хорошая трава, её-то и используют для заготовки сена. Зимы здесь длинные, холодные, скот уже в сентябре ставят на зимнее содержание, сена надо много, вот и обкашивают колки.

Издавна Барабу заселяли скотоводы, монгольские племена кочевали здесь с огромными стадами овец, лошадей. Здесь текут и небольшие реки: Каргат, Чулым, множество озер как с пресной, так и с солёной водой. Реки и озёра богаты рыбой. В старинных письмах есть такие записи: «В озере поймали 50 возов щук и карасей, продавали по 10 копеек пуд». До недавнего времени, пока не обмелели реки Каргат, Чулым, озёра Чаны, Сартлан, Саргуль, рыбы было много, её вылавливали рыболовецкие бри-

гады и просто жители. В реках Каргат и Чулым водились щуки, язи, окуни, чебаки, а в озёрах караси. Иногда вылавливали щук весом до 15 килограммов.

Барабинская степь была заселена с древнейших времён. В конце XX века новосибирские археологи, совместно с археологами из Германии, раскопали на берегу озера Большая Чича (в 7 километрах от Здвинска) поселение площадью 210 тысяч квадратных метров VII–IX веков до н.э., т.е. поселение существовало одновременно с Троей. Жители поселения, названного по предложению немецких археологов Чичабург, изготавливали орудия труда и оружие из бронзы и железа. Руду для изготовления возили, очевидно, из Колыванских рудников. Площадь городища (длина 650 метров, ширина 400 метров) равна средневековому городу. Поселение имело мощные оборонительные сооружения: стены, рвы. Жители занимались скотоводством, рыболовством, охотой, земледелием, благо, для этого здесь были прекрасные условия: в озёрах Большая и Малая Чича и реке Каргат водилось много рыбы, весной и осенью на озёрах было бесчисленное количество уток, гусей, журавлей, в колках водились дикие кабаны, лисы, зайцы, волки.

Археологи гадают, почему жители внезапно покинули свое поселение, то ли спасались от нападения врагов, то ли от страшной эпидемии, но уже в VII веке до н.э. Чичабург был покинут жителями, а 235 лет назад на месте Чичабурга возникло новое поселение Чича, которое существует и до нашего времени. Новый посёлок возник как часть Московского тракта, по которому шёл торговый путь из Сибири в центр. Позднее во времена великих монгольских завоеваний сюда пришли монгольские племена. Сейчас от них остались лишь названия рек, озёр, поселений: Чаны, Саргуль, Каргат, Чулым, Карасук, Урюм, Сарыбалык. Население барабинских татар составляло около 4 млн. человек; стиснутые между калмыками, ханством Кучума, русскими, они вели постоянные войны и их постепенно оттеснили в степи Казахстана, в ханство Кучума.

В XVIII веке начался процесс освоения Барабы русскими. В 1760 году вышел указ сената о переселении крестьян из Европейской части России. Первыми переселенцами были бунтов-

щики: крестьяне – потомки пугачёвцев, осужденные за разбой крепостные. Позже стали заселять служивыми людьми с целью создания опорных крепостей. Многие крестьяне занимались не только земледелием, но и душегубством и разбоем. Процесс освоения Барабы шёл, и уже к концу XVIII века в Каинском уезде (г. Куйбышев ныне) было около 6 тысяч крестьянских дворов. А в 1772 году в Западной Барабе было 25 деревень, население которых состояло в основном из ссыльных помещичьих крестьян. В Восточной Барабе было 12 деревень, где проживало более 500 ссыльных поселенцев. Товарный хлеб, рыбу, масло, мясо зимними обозами крестьяне возили в Каинск, Омск. Каинск был не только местом оптовой торговли, но и местом политической ссылки. Здесь жили и отбывали свой срок будущие вершители революции, в частности, Куйбышев В.В., в честь которого и был г. Каинск переименован в г. Куйбышев. Когда началось строительство транссибирской железной дороги, каинские купцы посчитали, что с постройкой дороги они потеряют центр торговли Барабы, и уговорили инженеров-проектировщиков перенести железную дорогу на 12 километров к посёлку Барабинск. Так каинские купцы сами вынесли себе приговор. С постройкой железной дороги товары из деревень Барабы потянулись на станцию Барабинск, и Каинск утратил роль торгового центра, захирел.

В начале XX века наступили Столыпинские времена. По реформе Столыпина, крестьяне, нуждающиеся в земельных угодьях, стали переселяться на огромные территории Сибири.

Причём, каждый переселенец искал в Сибири места, похожие на их привычные: крестьяне из Белорусских лесов ехали в те места, где было много леса (Болотнинский, Тогучинский район), крестьяне из Поволжья ехали в степные районы.

Вот и мой дед *Кольшукин Семён Матвеевич* вместе со своими односельчанами выбрали Барабинские степи, схожие со степями Саратовской губернии, откуда они родом. Надо отдать должное организаторам массового переселения крестьян

в Сибирь: каждой семье предоставлялся вагон-теплушка, в который дед погрузил 2 лошади, корову, быка, овец, куриц, семью из 8 человек, 6 из которых были дети разного возраста. Деду в это время было чуть больше 30 лет. Собрали эшелон, завезли в Сибирь и здесь высаживали на разных станциях. Дед с семьёй вышел на станции Барабинск и 2 суток на телегах добирался до села Нижний Каргат (ныне с. Здвинск). Село Нижний Каргат расположено в 7 километрах от Чичабурга, на берегах реки Каргат. Отвели им место для поселения на левом берегу, где уже было несколько домов. Выкопали они землянку, построили скотный двор, получили надел пахотной земли и надел сенокосных угодий. Дед приехал не один, с ним приехали 5-6 человек родственников, они стали дружно готовиться к жизни в сибирских условиях. Надо сказать, что строительного леса вокруг Нижнего Каргата не было, кирпичный завод размещался в деревне Чича, и был он очень небольшой мощности, поэтому лес для домов заготавливали в северных районах. Ездили туда зимой большой группой, заготавливали лес (пихта, сосна, кедр), делали плоты, а весной сплавливали его по реке Каргат. Надо отметить, что река Каргат в то время была очень полноводной, в 50-ые годы по ней даже ходили катера с баржами. Но потом руководители района решили построить свою гидроэлектростанцию. Выкопали отвод, сделали насыпь из брёвен и глины, но осенью река размывла плотину, идея строительства гидростанции пропала, а река теперь стала мелководной, берега заросли ивняком, катера перестали ходить.

Дед с родственниками срубил дом из кедровых брёвен, который простоял больше 50 лет. По тем временам это был большой дом: сени, кухня, горница. На кухне была большая русская печь с лежанкой, большие полаты, две широкие лавки, стоял большой стол, за который можно было усадить 8 человек. Были просторны сени с отделением для хранения зерна и муки. Хлев для скотины сплели из ивовых прутьев, обмазали смесью навоза и глины, крышу хлева и дома покрыли толстыми пластами из дёрна, во дворе построили баню, которая топилась «по-чёрному», вырыли колодец, вода в котором была очень вкусная, но её хватало только для питья. Поить лошадей и коров гоняли на

речку, благо она была в 300 метрах от дома. Дед получил надел на мужские души, участок для сенокоса, и через 3 года жизнь наладилась. У деда была большая семья. Бабушка Аксинья родила 12 детей, из них выжили и стали взрослыми – 8:

1 – Александра Семёновна – старшая дочь;

2 – Агафья Семёновна – дочь;

3 – Фёдор Семёнович – сын;

4 – Яков Семёнович – сын;

5 – Анна Семёновна – дочь;

6 – Панна Семёновна – дочь;

7 – Мария Семёновна – дочь, моя мать;

8 – Зинаида Семёновна – дочь.

Четверо из них дожили до глубокой старости и умерли в возрасте более 80 лет, сын Фёдор пропал без вести в июне 1942 года; от болезней умерли в возрасте более 30 лет Панна, Анна и Зинаида.

Сразу за домом был большой огород около 40 соток. Огород был отделён от соседей канавой и валом, а с улицы была ограда из плетня. Кроме хлева для коров и овец, был двор для лошадей, сарай для инвентаря (плуг, сенокосилка, грабли конные и др. инвентарь). Дед Семён был отменным работником, да и вся его семья – труженики, поэтому к коллективизации у них в семье было 4 лошади – 2 рабочие и 2 выездные, 2 коровы, овцы, куры, в семье был относительный достаток, об этом говорит тот факт, что к 1941 году у нас было 2 швейных машины «Зингер», 2 хороших навесных шкафа искусной работы, один из которых сохранился до сегодняшних дней.

А вскоре старшие дочери вышли замуж. Дочь Агафья вышла замуж за чекиста, вторая дочь Александра – за плотника, старший сын Фёдор женился на женщине, которая было родом из Ногинска, член ВКП(б), направлена в Здвинский район для организации колхозов как «двадцатипятипятитысячница». Вскоре после женитьбы они уехали в Ногинск, у них родился сын. Дочери Зинаида и Панна окончили школу и стали учительницами начальных классов в деревнях.

Бабушка Аксинья умерла в 1924 году, когда матери было 12 лет, и она осталась старшей в доме. Вместе с отцом они и жили.

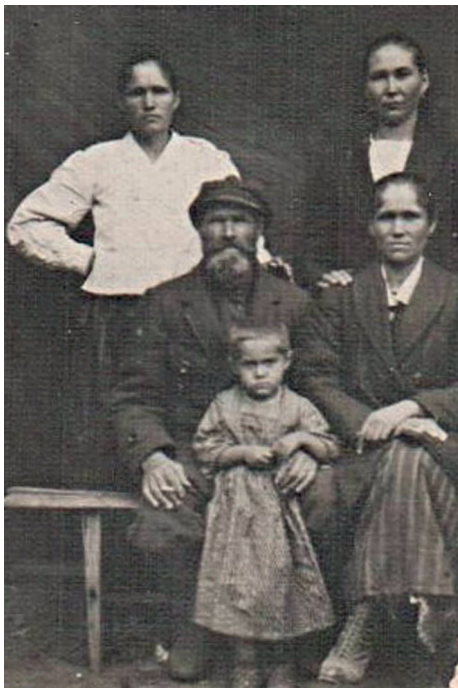
В период коллективизации дед в колхоз не пошёл, сдал лошадей и инвентарь в колхоз, а сам устроился в пожарное депо. Не знаю, может быть, помогли родственные связи, но деда не раскулачили (хотя никогда у него не было наёмных работников).

Мать вскоре после коллективизации устроилась в районную больницу санитаркой. Она единственная из семьи не получила образования, так как с 12 лет на ней лежала забота о доме, об отце. Летом 1941 года дед Семён поехал на родину в Саратовскую область навестить своих братьев и сестёр. Погостив у них, он решил заехать к старшему сыну Фёдору в Ногинск. Здесь его и застала война. Фёдор Семёнович ушёл на фронт, а деда мобилизовали в трудармию (ему было уже за 60 лет) на рытьё окопов под Москвой. Там он заболел, к зиме вернулся домой и пошёл опять работать в пожарное депо. Летом 1946 года у него случился инсульт, его парализовало, он долго не мог ходить и тем более работать. Осенью 1947 года его забрал к себе сын Яков Семёнович, который жил в городе Барабинске и работал машинистом паровоза. А весной 1948 года дед Семён умер и был похоронен в Барабинске.

ГЛАВА II

Дети деда Семёна

Александра Семёновна – старшая дочь, мы все звали её тётя Сания, так же звали её и в семье (Саня). Очень симпатичная, в отца, живая, подвижная, умела петь частушки, плясать. Вышла замуж за плотника Мацукова, детей не имела. Мужа призвали на фронт, там он и погиб. Она жила одиноко, вела огородное хозяйство, жила за счёт пенсии за погибшего мужа.

Агафья Семёновна – вторая дочь, грамотная, очень умная, начитанная, вышла замуж за чекиста Леонова Николая Архиповича. Родила и воспитала четырёх де-

тей: дочери Анна и Мария, сыновья Пётр и Иван.

Анна Николаевна, как и отец, работала в НКГБ секретарём, а в последние годы в загсе Здвинского района. Родила дочь, но та в 5 лет умерла от того, что проглотила гильзу от малокалиберной винтовки. После Анна вышла замуж за Жолудева Петра Сте-

пановича, работника милиции, который имел тяжёлое ранение. Совместных детей у них не было. Жили тихо, друг друга любили. Анна воспитана была в духе строгой хранительницы секретов, никому не рассказывала о своей работе в НКГБ. Мы часто по пути в школу осенью заходили к ней на работу. У них в ограде был огромный сад, где росли яблони-ранетки. Она нарвёт нам их полные карманы, мы, счастливые, идём, едим эти кислые ранетки, раздаём друзьям. Это были самые сладкие для нас «фрукты», потому что слаще морковки мы ничего не видели. Анна и Пётр уже в пожилом возрасте умерли один за другим и похоронены в Здвинске. Пётр Степанович – участник Великой Отечественной войны, 21 марта 1944 года по представлению 124 стрелковой дивизии был награждён орденом Красной Звезды.

Леонов Пётр Николаевич – 1922 года рождения, старший сын Агафьи Семёновны, участник Великой Отечественной войны, награждён медалью «За отвагу» и орденом «Красной Звезды», миномётчик, воевал на Карельском фронте в составе 1-го отдельного лыжного батальона 33 отдельной лыжной бригады, был тяжело ранен в голову. После демобилизации работал в Здвинске, имел троих детей: Надежда, Виктор и Владимир.

Леонова Мария Николаевна, дочь Агафьи Семёновны, в замужестве Турбина, родила сына Юрия Петровича. Работала бухгалтером в районных организациях, умерла и похоронена в Новосибирске.

Леонов Иван Николаевич, младший сын Агафьи Семёновны, окончил среднюю школу, служил в органах МВД, последняя должность – начальник РОВД Северного района Новосибирской области, майор милиции, трагически погиб. Его сын живёт в р.п. Краснозёрское. Иван, статный

красавец, тонкого юмора, любил общество, прекрасный партнёр на бальных танцах в районном клубе. Я всегда любовался им во время танцевальных вечеров. Но ему не повезло в семейной жизни: первая жена, с которой он дружил с самого детства, вскоре после свадьбы совершила какой-то проступок, который он не смог простить, они разошлись, и она уехала в Одессу. Вторая жена – прекрасная женщина, врач, умерла во время родов. Третья жена не смогла уберечь его от пагубной страсти, и он покончил с собой. Похоронен в Здвинске.

Вот такова судьба семьи Агафьи Семёновны, сама она умерла в солидном возрасте, похоронена в Здвинске.

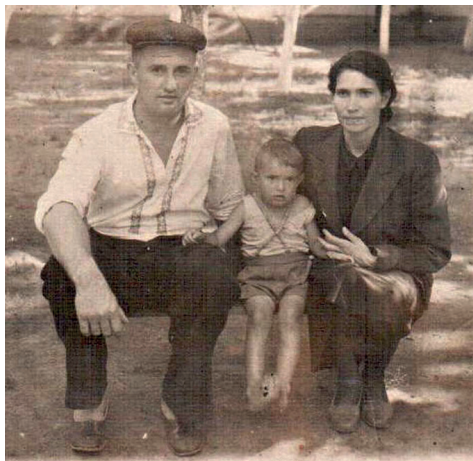
Яков Семёнович Кольшикин второй сын деда Семёна, рано уехал в Барабинск, выучился на помощника машиниста паровоза, во время войны стал машинистом паровоза и всю жизнь проработал на железной дороге. Когда пришла пора новой техники (электровозов, тепловозов), он не смог переучиться, так как был уже в солидном возрасте, переехал на станцию Пеньки, где ещё были паровозы, там и умер.

Его дети – сын Виктор, дочери Нина, Валентина и Тамара, на сегодняшний день живы, Виктору уже 80 лет, Нине – 78, Валентине и Тамаре около 70 лет. Вся семья разъехалась: Виктор живёт в Казахстане, Нина и Валентина – в Пеньках, Тамара живёт в Новосибирске. С Виктором и Ниной мы выросли вместе. Каждое лето они приезжали к нам, в дедов дом, мы купались, загорали, вместе ухаживали за огородом. И сейчас с Ниной (она моя ровесница, моложе меня на 6 дней) перезваниваемся, а её дочь Едапина Татьяна живёт в посёлке Краснообск, работает кондитером. Много раз участвовала во всероссийских и международных конкурсах по профессии, имеет много дипломов и наград, трое её детей – видные спортсмены-баскетболистки, окончили институт связи, трудятся в Новосибирске. Мы с Татьяной часто встречаемся, наши дачи в одном обществе.

Панна Семёновна, средняя дочь деда Семёна, в замужестве Алещенко, умерла рано, оставив сына Анатолия, который был определён в детский дом, после окончания школы поступил в училище, а затем на завод им. Ефремова, проработал там до ухода на пенсию. Он тоже каждый год приезжал к нам на летние каникулы и жил всё лето. Последние годы мы потеряли связь с ним и теперь ничего не знаем о нём. Ему сейчас 75–77 лет. Знаем, что у него дочь. Панна Семёновна тяжело болела туберкулёзом, болезнью, почти неизлечимой в то время.

Анна Семёновна, в замужестве Шунина, родила двоих сыновей: Пётр Георгиевич и Виктор Егорович. Работала учительницей начальных классов в деревне, умерла рано, дети её некоторое время жили в нашей семье, потом Пётр переехал в Барабинск, оттуда ушёл в армию, воевал всю Отечественную войну, был кавалеристом, награждён боевыми наградами. После войны уехал в г. Уфу, там женился, работал, а в последнее время связи с ним нет. Виктор Егорович – младший сын Анны Семёновны, после смерти матери и гибели отца несколько лет жил в нашей семье, с детства стал работать в колхозе, после войны уехал к брату в г. Уфу, но почти каждые 2–3 года приезжал в отпуск к нам, считал мою мать своей, звал её «лелькой». В последний раз приезжал, будучи уже в очень солидном возрасте. В Уфе живёт его сын с семьёй.

Зинаида Семёновна – младшая дочь деда Семёна, красавица, умница, очень общительная, после школы работала учительницей начальных классов в деревне. В 1944 году вышла замуж за лечившегося здесь фронтовика – Чипинского Михаила, украинца, а после освобождения Украины от фашистов вместе с мужем уехала в Украину в Днепропетровскую область, родила

сына, но вскоре заболела (климат там ей не подходил), хотела уехать, но муж не пожелал. Несколько раз отправлял её на лечение в Крым, Ялту, но болезнь обострилась и она умерла, когда сыну было 5–7 лет. Мы пытались найти её сына, но на наш запрос в Днепропетровскую область Никопольский район ответили, что такой там не проживает.

Вот такой печальный список детей деда Семёна Матвеевича.

ГЛАВА III

Песни моей матери

«Душа человека живёт до тех пор, пока о ней помнят»

**Виктория Райдес,
победительница конкурса
«Битва экстрасенсов»
2015 года»**

*М*оя мать Колышкина Мария Семёновна (в замужестве Храпова) родилась 10 августа 1912 года в с. Нижний Каргат (ныне с. Здвинск). В 12 лет она осталась без матери и на её плечи легли заботы об отце, о хозяйстве, о сёстрах и братьях всей нашей большой семьи. Она не получила образования, с трудом читала и писала. По характеру очень добрая, всегда принимала всех родственников, кормила, пила, содержала огород, ухаживала за скотом. К ней приезжали все дети братьев и сестёр, её дом всегда был полон гостей, особенно любила её молодёжь. Почти матерью её считали братья Шунины, Пётр и Виктор, сын Панны Алещенко Анатолий, Леоновы Иван и Мария, дети Якова Семёновича, сёстры Зина и Панна. Была в ней какая-то особая доброта, которая притягивала людей к ней, наш дом всегда был полон гостей, и хотя жили мы очень бедно, не хлебосольно, но зато доброты матери хватало на всех. Вот первые воспоминания о матери... Вечер, поздно, мы с братом Анатоли-

ем лежим на печи, лампу не зажигаем, боимся всего. Торопливо входит мать, улыбается (она с работы пришла), переодевается и лезет к нам на печку. Лежанка у печки большая, всем хватает места, мать укрывает нас, рассказывает какую-то сказку, рассказывает разные истории, и добрые и страшилки, обещает, что скоро придёт отец, мы уже засыпаем. А когда просыпаемся утром, её уже нет, убежала на работу, а на столе стоит тарелка со стряпнёй. Где мама училась стряпать, я не знаю, но явно, что у неё был талант. Такие вкусные блины я никогда в жизни больше не ел (кроме тех, что сейчас печёт моя Катя), а таких кренделей, пирогов, какие пекла мать, не видел ни у кого. Когда где-то у родственников или соседей бывали торжественные вечера, они просили мать испечь им сдобу, и мать никому не отказывала. А ещё мать любила петь, и её песни, как впрочем и все песни тех времён, были наполнены глубоким содержанием, внутренними переживаниями, каждая песня была минидрамой.

Вот одна из любимых песен матери.

«На горе колхоз, под горой совхоз,
А мне миленький задавал вопрос.
Задавал вопрос, сам глядел в глаза:
Ты колхозница, тебя любить нельзя.
Ай-ёй-ёй-ёй-ёй-ёй
Ты колхозница, тебя любить нельзя.
...
А я пойду туда, где густая рожь,
И найду себе, кто на меня похож»
...

Песня, которая рассказывала о непростой судьбе девушки-колхозницы, которую не отпустят из колхоза, даже если она выходит замуж.

А ещё мать пела песни, полные драматизма, песни о судьбе, о неразделённой любви:

«В одном прекрасном месте на берегу реки
Стоял красивый домик, в нём жили рыбаки.
Рыбак с женой рыбачкой рыбачили всегда
У них было три сына, красавцы хоть куда.

Один любил ткачиху, другой любил княжну,
А третий молодую охотника жену.
Дальше драма разыгралась очень жестокая.
И вот раздался выстрел, рыбак молодой упал.
Блеснул тут острый ножик и в грудь жены попал»

...

Сегодня современная попсовая песня, как правило, ничего не рассказывает, недаром эти песни зовут шлягерами. В них рефреном звучат 4 строчки, которые повторяются 4–5 раз. А вот какие песни были в моде у поколения моей матери:

«Вянет – пропадает
Молодость моя:
От лихого мужа
В доме нет житья.
Пьяный – всё бранится,
Трезвый – всё ворчит
И что ни попало
Из дому тащит»

...

И, конечно же, ни одна вечеринка не обходилась без песни «Что стоишь, качаясь».

«Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына
...
Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться,
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться».

Эта песня о мечтах женских, о надёжном плече мужчины. Если кто-то брал в руки семиструнную гитару (а тогда в моде были семиструнные гитары), то сразу звучала очень простая мелодия, легко подыгранная гитарой.

«Всё васильки, васильки,
Сколько мелькает вас в поле...
Помню у самой реки
Вас собирали для Оли
Оля сорвёт василёк,
Низко головку наклонит:
«Милый, смотри, василёк
Твой поплывёт – мой утонет».

И, конечно же, жестокая драма в конце, любимый жестоко и глупо расправился с Олей, не поняв её шутки.

Но не только драма звучала в песнях тех лет, были и хорошие бравурные песни.

«Ой, при лужке, при лужке,
При широком поле,
При знакомом табуне
Конь гулял на воле
...
Ты лети, лети, мой конь,
Лети, торопися,
Возле Сашина двора
Стань, остановися.

И счастливый конец:

А девица не спала,
Дружка поджидала
Правой ручкой обняла,
Крепко целовала»

Были песни и грустные, такие, как, «По диким степям Забайкалья»:

«По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах».

Замечательная мелодия, песня легко поётся и хорошо слушается. Такие песни знали и пели все, они трогали души людей, они рубцевали душевные раны.

Во время Великой Отечественной войны очень часто в нашем доме по вечерам собирались родственники, соседи, у которых на фронте были близкие люди. Зажигали керосиновую лампу (на керосин скидывались все), гадали: на блюдце сжигали скомканные клочки бумаги и по тому, как, сворачиваясь, бумага принимала какие-то формы, виделись им танки, пушки, самолёты, кони, определяли, где кто воюет. Иногда пытались проводить спиритические сеансы: вызывали духов царей, полководцев, задавали вопросы, а вокруг блюдца раскладывали начерченные на бумаге буквы, потом на край блюдца ставили кончики пальцев и в полной тишине ждали, какое слово будет «выписывать блюдце». Блюдце двигалось, так как каждый потихоньку тянул его на «свои» буквы, потом читали, что «говорит блюдце».

Здесь же читали письма с фронтов, пели песни. Особенно часто пели вот эту песню, на мелодию песни «Крутится, вертится шар голубой»:

«Десять винтовок на весь батальон,
В каждой винтовке последний патрон.
В рваных шинелях, дырявых лаптях
Били мы немцев на разных путях».

Но чаще пели грустные песни, вот эту, например:

«Впереди идёт повозка,
На повозке – красный крест.
Из повозки слышны стоны:
Скоро, скоро ли конец.

...

Вот один боец диктует:
Здравствуй, милая жена,
Жив я, ранен, но не очень
Скоро дома буду.

А второй боец диктует:
Здравствуй, милая, прощай,
Жив я, ранен близко к сердцу,
Ты меня не ожидай».

После этого часто плакали, вспоминая погибших и раненых, и всё же верили в чудо, что закончится война и все вернутся домой, а похоронки и извещения о пропавших без вести – это просто ошибка. Наплакавшись, расходились по домам, завтра всем на работу – и старому, и малому.

Пели и патриотические песни, чаще всего звучала песня «Если завтра война»:

«Если завтра война, если враг нападёт,
Если тёмная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет.

припев:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров,
Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готовым».

Женщины поют, гадают на картах, читают письма, плачут, а мы со старшим братом лежим на полатях, нам всё видно и слышно, мы вместе с ними переживаем и познаём.

Мать была прирождённым педагогом. Вот завтра праздник, мама встаёт рано, печёт блины. Блины у неё получаются мягкие, жирные, но нас много – 6–7 человек, как всех накормить? Вот мать напекла несколько блинов, будит одного из нас, но не любого, а первого кормит того, кто больше всех ей помогал, кто лучше учится, его первого она и накормит блинами, потом поднимает второго, третьего и, наконец, последнего, нет, последней всегда была она. И ещё у матери была привычка беседовать с нами наедине. Уже, будучи очень взрослым человеком, приезжал к ней в гости, она накормит вечером всех, уложит спать, потом (я это знал) подходит ко мне, садится на краешек кровати и говорит: «Ну, расскажи, как живёшь?» Расспросит обо всём подробно, расскажет какую-нибудь историю из своей жизни, и лишь тогда пойдёт спать сама. Я ни разу не слышал от неё ни одного ругательного слова. Беззащитная сама, она хотела защитить каждого из нас.

Родив пятерых детей, она больше официально не работала, детских садиков тогда не было, она занималась семьёй. Работа эта, наверно, была самая трудная. Попробуй накормить такую ораву, когда продуктов практически нет. Хлеб давали по карточкам – рабочим 500 граммов, иждивенцам – 300. Вот и все продукты, помогал огород – там выращивали картошку и другие овощи. Но картошка почему-то вырастала в то время мелкая, да ещё до общей копки мать ежедневно подкапывала и выбирала самые крупные картофелины. Самым частым блюдом в доме была «затируха». Муку заливали молоком, замешав тесто, крошили его на мелкие комочки, затем варили с молоком – вот и вся пища, но и это было не так часто, только тогда, когда была мука.

Зато у нас всегда было много рыбы, отец, да и мы, когда подросли, всю весну и лето рыбачили. Рыбу солили, вялили, сушили, делали рыбью икру (из щук и язёй), топили из рыбьих внутренностей рыбий жир. До сих пор с дрожью вспоминаю запах рыбьего жира – на нём жарили картошку, пекли блины. Рыба была всякая: уха, рыба жареная, сушеная, мука из рыбьих костей – всё шло в пищу. Была у нас и корова, но нужно было сдавать молоко в качестве налога – в иные годы это было до 500 литров в чистом зачёте (т.е. за 1 литр принималось молоко не менее 4% жирности, если корова давала молоко 3,4 – 3,9% жирности, то производился перерасчёт). Мать говорила, что молоко мы «шилом» едим, т.е. сдав удой, мы оставляли себе из вечерней дойки иногда 1 или 1,5 литра. Но молоко было весной и летом, зимой, как правило, корова была в запуске и молока давала 2–3 литра в день. Попробуй прокормить семью из 6 человек.

Завтракали по-разному, кто шёл в школу в 1-ю смену или на работу, кто во 2-ю смену. А обед и ужин всегда были общими. В обед и вечером ждали отца, все садились за стол, мать делила хлеб каждому по кусочку, ставилась на середину стола большая миска варёва и все по очереди доставали ложкой эту еду. А потом чай – заваривали большую кастрюлю с сушёной морковью, свёклой или травой – вот это был чай.

Никогда не забуду, как в феврале 1947 года в стране была отменена карточная система на хлеб. Отец купил вечером не-

сколько булок, мать нарезала целую тарелку. Стали ужинать, мы все взяли по кусочку хлеба, сосём его, чтобы растянуть удовольствие. Мать видит это, говорит – берите хлеба сколько хотите, но мы хором ответили, а что будем есть завтра? Мать заплакала, потом объяснила, что хлеб теперь будет в свободной продаже и будем покупать столько, на сколько хватит денег. Мне тогда ещё не было и 10 лет, но до сих пор не могу забыть этот ужин.

Семья была большая, отец получал небольшую зарплату, каждый рубль был на счету.

У матери была ножная швейная машина «Зингер», и мать умела хорошо выбивать рисунки на ткани, на марле. Для этого у неё были разные рисунки. Она чаще всего просила меня перевести эти узоры на ткань или марлю, а потом на машинке она шила шторы, украшения к женскому белью, к скатертям. Шторы в то время в большинстве шили из марли (прообразу тюля), нашивали из белой ткани аппликации – получались красивые шторы. А ещё она вязала из ниток кружева и тоже их продавала. За это в то время хорошо платили, но времени для такой работы было мало, в основном вечерами, при свете керосиновой лампы. Потом к нам в дом провели электричество, оно давалось на несколько часов, в это время мать и работала. Мама умела всё: готовить, шить, прясть, вязать, вышивать, выбивать. И всему этому её научила мать до 12 лет. Какая же была система воспитания девочек в те времена! Их готовили практически к семейной жизни, хотя надо бы добавить к этому и общее образование.

В 1939 году, когда у матери было уже двое детей – старший брат Анатолий и я (мне было 2 года, Анатолию – 5 лет), она вышла замуж за Храпова Тихона Егоровича. Он был на 5 лет моложе, имел 4-х классное образование, работал связистом в Здвинском отделении связи. В 1947 году он усыновил нас, мы стали носить его фамилию. С матерью они прожили 57 лет. Отец был очень трудолюбивым человеком, отсутствие образования не давало ему возможности сделать карьеру, но он всегда был на работе на хорошем счету. На его плечи легла забота о четверых детях. Вскоре родились три девочки – Валя, Галя и Зоя, но Зоя не дожила и до 3-х лет, умерла. Особенно трудно было ему в годы вой-

ны и первые послевоенные годы. Надо было кормить большую семью, зарплата у него была маленькая, приходилось продавать или менять домашние вещи на продукты. Я помню, как он ездил в далёкие деревни и даже в другую область, чтобы обменять вещи на зерно, муку. Все накопленные домашние вещи хранились в большом сундуке, время от времени мать с отцом перебирали их, и всё, что можно было обменять, собиралось в узлы и отвозилось на обмен. Надо сказать, что у матери в свое время было накоплено большое приданое, вот его и продавали. С каждой поездкой сундук всё больше пустел, и к концу войны в нём ничего не осталось. Но зато мы все выжили, голодали не так, как другие семьи. Хотя и у нас ничего не было. Помню, летом 1944 года к нам пришла учительница, чтобы записать меня в школу, но у меня не было одежды. На мне была какая-то рубашонка и трусики, а на ногах старые резиновые галоши. Я ходил в школу сентябрь, пока было тепло, а с сентября перестал посещать школу, нечего было надеть. Несколько раз учительница приходила к нам домой, уговаривала мать, чтобы я ходил в школу, говорила, что я способный мальчик. Но я такой был не один, в школе того времени часты такие случаи, что ученики переставали посещать школу из-за того, что ходить было не в чем. Так и пролежал я на печке всю зиму, наблюдая, как учился старший брат, читал вместе с ним, решал примеры и задачи. А в апреле, когда холода закончились, меня кое-как собрали и я вернулся в школу, написал все контрольные работы и был переведён во 2-й класс. Хотя так и не научился красиво писать, не было у учительницы времени, чтобы поставить мне руку для чистописания, так я долго писал, «как курица лапой», как говорили учителя.

Мама прожила долго, умерла в 84 года в 1996 году, могила её в Здвинске. У нас с матерью всегда были очень хорошие отношения. Я, став взрослым, всегда защищал её от любых невзгод, ежегодно приезжая к ним, мы делали в доме ремонт: красили крышу, рамы, белили в доме. Мать всегда любила чистоту в доме и даже в пожилом возрасте сама делала побелку в комнатах. Прошло много лет, я ежегодно езжу на могилу матери.

Могила матери Марии Семёновны в с. Здвинск

Отец

Храпов Тихон Егорович, 1917 года рождения, образование – начальная школа. Всю жизнь он страдал от того, что не имел никакого образования. Иногда его посылали на какие-то краткосрочные курсы. Работал связистом, обслуживал телефонную связь в районе. Телефонная связь в то время в районе была проводная, район большой, опорные столбы часто валялись от ветров, а он зимой и летом на худенькой лошадке, часто в одежде далеко не тёплой, ездил исправлять повреждения связи. Были случаи, когда он обмораживался, как-то по своей оплошности, не пристегнувшись поясом к

правлять повреждения связи. Были случаи, когда он обмораживался, как-то по своей оплошности, не пристегнувшись поясом к

столбу, повис вниз головой на когтях (когти – приспособления для лазания по столбам) и спас его случайно проезжающий мимо мужчина. Став в 25 лет отцом пятерых детей, он вынужден был быть работягой, тянулся из последних сил, чтобы его не уволили с работы из-за того, что не было специального образования. Особенно тяжело ему было во время войны и первые послевоенные годы. На фронт его не взяли – была бронь на связистов. Голодные годы и большая семья истощили его силы, иногда он «отрывался» и тогда всей семье было не просто. Но время шло, подросли сыновья, стали работать и жить стало легче. Отец решил построить новый дом, так как дедов дом, где мы жили, уже приходил в упадок. Построили новый дом, правда, материал был местный – осина, дом был холодный. Совсем хорошо стало отцу, когда все дети выросли, работали, все заботились о нём и матери, кто продуктами, кто ремонтировал дом, кто помогал накопить сена и заготовить дрова. В период какого-то отдыха он любил охотиться. В доме было 2 охотничьих ружья. Часто перед весенней и осенней охотой он просил нас подготовить ему патроны. Мы сами отливали для патронов дробь из свинца, снаряжали патроны. После охоты он много раз рассказывал, как они провели время на охоте, как правило, с охотой возвращался с добычей – с утками, гусями. Если охота была удачной, то домой приносил 5–6 уток. Часто он рыбачил, особенно весной во время нереста. Рыбачил он кривдой (это такая рыбацкая снасть на 2 жердях по 4–5 метров, между ними сеть), её ставили на месте водоворота у берега). Иногда улов был очень большой. Однажды, рассказывал он, наловил он столько язей и щук, что вынужден был идти в Здвинск за машиной. Отдал водителю за привоз несколько мешков рыбы. Сколько же он наловил!

А ещё по выходным дням и вечером любил играть в карты в «дурака», играл азартно, нервничал, если проигрывал. Шутливо его называли чемпионом Закраевки по игре в карты.

Мне его искренне жаль, он прожил тяжёлую жизнь, мало видел радости. После смерти матери, он пытался жить один, но заболел. Младшая дочь Галина увезла его к себе в Новокузнецк. Он так скучал по своему дому, что собирался сбежать, но здоровье было плохое. В сентябре 2000 года в возрасте 83 лет отец умер, похоронен в городе Новокузнецке. Мы с братом благодарны ему. Неизвестно, как бы сложилась наша судьба, если бы он не усыновил нас!

Сёстры

Валентина Тихоновна Анисимова, родилась в 1940 году, после окончания Здвинской средней школы, поступила в Новосибирский техникум советской торговли, окончила его в 1962 году. В 1959 году вышла замуж, родила двух сыновей Владимира и Александра. Долгое время жила с семьёй в столице Казахстана – Алма-Ате, но после распада СССР была вынуждена уехать, так как к русским там стали относиться плохо. В Алма-Ате работала оператором в институте геологоразведки. В 1991 году уехала к младшей сестре в г. Новокузнецк, там вынуждена была зарабатывать жильё, устроилась дворником, через 3 года получила однокомнатную квартиру. Дети живут самостоятельно. Старший сын Владимир пропал без вести в Казахстане, его семья переехала к родным в Саратовскую область. Младший сын Александр с семьёй уехал к родственникам жены в Беларусь, там работают в колхозе, вырастили детей, внуков.

Валентине 75 лет, видимся довольно часто – чаще всего в Здвинске, иногда у нас, иногда в Новокузнецке.

Вот так она вспоминает свою жизнь, нашу семейную жизнь в Здвинске:

«Осмысление жизни у меня появилось тогда, когда я пошла в 1-й класс. Школа для нашего микрорайона находилась в небольшом старом здании на берегу реки Каргат. Там было всего 2 классные комнаты и коридор. От дома до школы было около километра. Дети сами ходили в школу, никто нас не провожал и не встречал. В школе я училась охотно, особенно мне нравилось чистописание, а позже, в 5 классе английский язык. Помню нашу широкую улицу, чистую, заросшую травой – муравой, машин в то время у нас было мало, по улице в основном ездили на лошадях, да и то 5–6 подвод за день. Мы играли прямо на улице, все дети были дружные, а жители были или родственниками или как родственники. Помню, как стряпала мать, какие вкусные она пекла блины в русской печке, как она вышивала, вязала, выбивала, я многому у неё научилась. Училась я старательно, в старших классах меня избрали пионерской вожатой в 5-й класс, я старалась работать с детьми постоянно, поэтому после окончания школы пыталась поступить в педагогический институт, но не набрала достаточно баллов, поэтому пришлось год работать в Здвинском райпотребсоюзе, помощником товароведа. А через год, в 1959 году я поступила в Новосибирский техникум советской торговли, окончила его в 1962 году.

Вышла замуж, родила двух сыновей, потом мы переехали в город Алма-Ату, поступила на работу в универмаг заведующей секцией текстильных товаров. Я старалась работать так, как нас воспитала семья и школа – честно, но уже в то время в цене был «блат», продавцы поль-

зовались тем, что были близки к дефицитным товарам, обогащались за этот счёт. Я была против этого и делала всё, чтобы у нас было честно. Через полгода ревизия выявила крупную недостачу, коллеги мои сказали: «Валя, ты слишком честная, в

торговле быть такой нельзя». Родственники и коллеги помогли мне рассчитаться с долгом, и я навсегда ушла из торговли, поступила в институт геологоразведки, обучилась работать на ЭВМ и проработала там 20 лет, до распада Советского Союза. Дети мои разъехались в разные стороны – кто в Белорусь, кто в Саратовскую область. В 2010 году я всех детей и внуков навестила, побывала и в Саратовской области, и в Беларуси, и в Санкт-Петербурге, и в Москве, где живёт моя внучка Светлана, которая после окончания школы приехала ко мне в Новокузнецк, окончила там торгово-экономический колледж и работала в одном из Новокузнецких банков, потом уехала в Москву, вышла замуж. Часто бывала в Здвинске у старшего брата, часто посещаю могилу отца, он похоронен в Новокузнецке».

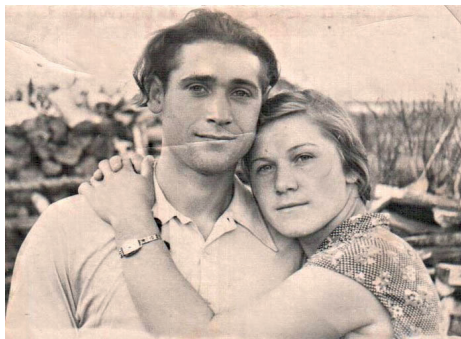
Галина Тихоновна Мазуренко, родилась в 1942 году, одна из двойняшек. Вторая сестра Зоя умерла рано, так что из двойняшек осталась только одна. Вот как она вспоминает своё детство:

«По словам мамы, Зоя была чёрненькая, а я – беленькая. В 9 месяцев Зоя уже начала ходить, а я ещё нет. Заболела коклюшем, маму с нами увезли в больницу, вызвали папу и нам сделали переливание крови. Как говорила мама, я сразу же встрепенулась, а Зое не стало лучше. Из больницы я вернулась уже одна. Зоя умерла. А ещё я помню (по рассказам матери и братьев) как обварилась кипятком. Дед Семён собирался в ночную смену на работу, мама налила ему большую кружку вара (чая у нас не было) и поставила на край стола. Я стала ходить, держась за лавки и стол, и опрокинула кружку на себя. Обварила лицо, шею, грудь, но видно судьба была ко мне благосклонна, через несколько дней, когда меня мазали какими-то мазями, всё прошло, у меня не осталось даже никаких признаков ожога. Помню, как папа ездил по деревням и менял вещи на продукты. Всё время в детстве мы, как могли, трудились, работали на огороде, собирали ягоды, грибы. А когда братья стали большими и один за другим ушли в армию,

мы с Валентиной остались на хозяйстве одни: доили корову, возили воду из речки на полив огорода. Помню своих соседей – рядом жила семья эстонцев, и все мы жили дружно, чем могли, помогали друг другу. После окончания школы я поступила в Куйбышевское педагогическое училище, после окончания меня направили учительницей начальных классов в село Сарыбалык. Там я встретила свою судьбу, вышла замуж за местного шофёра Мазуренко Анатолия, с ним я и прожила всю жизнь. У меня двое сыновей – Юра и Володя, оба очень взрослые, подарили мне внуков». После переезда в Новокузнецк, Галина много лет работала начальником паспортного стола. Вышла в отставку в звании «майор полиции».

Старший брат

Старший брат Храпов Анатолий Тихонович, 1934 года рождения. Так случилось, что отцы у нас были разные, мы одноутробные братья, т.е. у нас одна мать, а потом мать вышла замуж за Храпова Тихона Егоровича, и он впоследствии нас усыновил и дал всем свою фамилию и отчество.

Я думаю, что жизнь его, начиная с детства, была много тяжелее, чем моя или сестёр. Старший всегда везде был главным помощником матери и отцу с малых лет. Я уже говорил, что лет в 10 он уже в соседнем колхозе пас свиней и зарабатывал свой кусок хлеба. Да и вообще – всю домашнюю работу по хозяйству пришлось с малых лет выполнять ему. Пилим мы дрова, у меня силёнки небольшие, я не умею пилить, а ему надо быстрее напилить, чтобы идти играть, он дёргает пилу, кричит на меня, учит, как держать пилу, как её отпускать, когда он тянет пилу на себя, а потом, наоборот, говорит, нажимай сильнее, я буду тащить и быстрее распилим. А зимой ездить на быке (звали его Мишка,

тёмно-красный, небольшого роста, но умный и сильный) за сеном, за соломой, за дровами. Силёнок у нас не хватало, чтобы затянуть бастрик и увязать сено, поэтому воз иногда разваливался, приходилось переключать заново. Зима, холодно, одежка худая! Работа, голод сделали своё дело, учёба у него не шла, он кое-как закончил 6 классов и пошёл работать помощником столяра в Здвинский промкомбинат. Зато он очень хотел стать шофёром, в том же комбинате его взяли стажёром на машину. Машина старая, разбитая «полуторка», они вдвоём ездили за грузами в Барабинск. Дороги никакой, машина вязнет в грязи, если выберутся из одной ямы, через несколько километров попадут снова в яму, буксуют, копают лопатами, иногда, если никто не выручит из проезжающих шоферов, приходилось в машине ночевать. Машины того времени не обогревались, было холодно и голодно. Но страсть к машине у него не прошла. В 1953 году его призвали в армию и отправили в группу войск в Германию, там он окончил школу шофёров, там стал водителем – инструктором. Наконец увидел настоящие автомобильные дороги. Там он впервые повидал Европу, изъездил всю территорию ГДР, научился культуре вождения, изучил хорошо машину, а в 1956 году демобилизовался и приехал в родной Здвинск. Работал шофёром то в совхозе, то в организациях Здвинска. Там он через год после армии женился. Жена его, Екатерина, досталась ему от Бога – спокойная, старательная, всегда умеющая погасить любую ссору, любые недоразумения, была учительницей начальных классов, а в конце трудовой деятельности воспитателем в детском саду в Здвинске.

Сейчас легко ездить на машинах – появились дороги, машины стали скоростные, тёплые, вдоль трассы можно и пообедать, и отдохнуть. В его же время вместо дорог были лишь направления. До Новосибирска (а он часто туда ездил) иногда ехали 2–3 суток, почти никогда не ходили поодиночке, вдвоём, троём, страховали друг друга, вытаскивали из грязи или снега. В то время и водители были другие – никто не оставлял в беде своего коллегу, помогали как могли, делились и бензином, и маслом, и запчастями, и хлебом с солью. Понимали, что сегодня ты поможешь, завтра помогут тебе. Так всю жизнь он и проработал

шофёром. Я говорю шофёром, а не водителем. Водитель – это человек, который умеет водить машину, а шофёр умеет не только водить машину, он и механик высокого класса, сам устраняет почти любые поломки машины.

По характеру Анатолий был человек весёлый, любил большие компании, пел, любил переодеваться в какие-нибудь образы, умел плясать, понимал острые шутки. Его дом был всегда полон гостями – ехали родственники жены, свои, родственники родственников, соседи, друзья. И всегда Катерина всех встречала. Да и сами они любили ходить в гости, ездили к самым дальним – в Узбекистан, в Украину, в другие края. Вырастили Анатолий с Катериной двоих детей – дочь Татьяна и сын Владимир, у них была куча внуков и правнуков, все были любимы ими, всем они, чем могли, помогали.

Анатолий умер в 2014 году, похоронен в Здвинске. Жена, Екатерина, живёт одна, в одном доме с дочерью Татьяной в соседних подъездах. Вся забота о ней сейчас на плечах у Татьяны.

Семья брата

Жена Екатерина Степановна Костенко (в девичестве), 1931 года рождения, уроженка Здвинского района, закончила Здвинскую среднюю школу, уехала в Новосибирск, работала на заводе, потом окончила педагогическое училище и работала учительницей начальной школы. Семья Костенко очень большая, дружная, хлебосольная. Катя всегда любила своего мужа, имела очень покладистый характер, могла в очень мягкой форме успокоить мужа, ласковая, хорошо поёт, многие годы участвовала в хоре ветеранов труда в Здвинске, выступала в районных и областных смотрах самодеятельности. Их дом был всегда полон гостей – приезжали братья и сёстры, ближние и дальние родственники, всем хватало и места и тепла. Я, когда собирался ехать к ним, всегда звонил, спрашивал, есть ли у них свободное место, ибо жили они в последние годы в однокомнатной квартире. Катя помогала всем: и братьям, и детям их, и нам впервые трудные годы, бывало, отдавала мне последнюю десятку денег, когда я был студентом.

Дети их: дочь Татьяна, талантливый дизайнер, её квартира всегда образец для подражания, очень трудолюбивая, в детстве и пела и танцевала. После окончания школы вышла замуж за Найдёнова Бориса Ивановича, всю жизнь проработавшего в милиции и полиции. Вышел в отставку майором полиции.

У Татьяны и Бориса две дочери – красавицы, внук и

три внучки. Обе дочери получили высшее образование, работают. Дочери – Ольга и Марина. Татьяна от матери унаследовала украинское гостеприимство, очень заботилась об отце и матери. Татьяна и Борис родились в один день, в одной палате. Матери шутя тогда договорились, что, когда дети вырастут, будут мужем и женой. Так и случилось, и вот они вместе уже 39 лет! Татьяна сейчас на пенсии, но продолжает работать, она руководит работой с инвалидами Здвинского района. Очень беспокойная, всегда что-то придумывает для своих подопечных, заботится о них, а у неё их немало. А больше всего Татьяна любит своих детей и внуков.

Сын – Владимир Анатольевич, с самого раннего детства его стихией был автомобиль. Окончив восемь классов Здвинской средней школы, он поступил в Здвинское профтехучилище, стал трактористом и шофёром. Но работа на тракторе его не привлекла. Он сел на автомобиль. объехал весь СССР – от Сахалина до Москвы. Не боится водить любую машину – легковую, автобус, грузовик. Он прекрасно знает машину, может отремонтировать любую. Любит он менять места жительства, смело едет туда, куда позовёт судьба, поэтому семейная жизнь у него не сложилась – был женат 4 раза, имеет 6 детей, много внуков. Что характерно, любит всех детей, ни одного ребёнка не оставил без материальной поддержки, и дети его тоже любят.

Володя живёт в родовом нашем доме в Здвинске.

ГЛАВА IV

Детство и юность

*«Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда»*

М. Лермонтов «Дума»

*В*от в этой Барабинской степи, в семи километрах от Сибирской Трои (Чичабурга) и родился я. Никогда и нигде я не видел такого неба, как у меня на родине. Вспоминаю

А.П. Чехова: «Всё небо усыпано весело мигающими звездами, и Млечный Путь вырисовывался так ясно, как будто перед праздником его помыли и потёрли снегом». Я не знаю, проезжал ли Антон Павлович по нашей степи, но наше небо он описал изумительно точно. Может быть, действительно расположение звёзд в этом крае особенное, недаром же космодром Байконур находится недалеко от Барабы. Я часто вспоминаю, как лежу на траве или на копне сена поздно вечером и смотрю на огромное скопление звёзд, они светят так ярко, их так много и даже там часто невооружённым глазом хорошо виден весь млечный путь, с большим и малым ковшом, видны самые яркие звёзды и метеоритные дожди. Такого неба я не видел нигде, такая красота притягивает взор, недаром у нас иногда люди, зачарованные звёздным небом даже блудили, смотрели не на дорогу, а на небо. И сейчас, бывая очень редко в Здвинске, я каждый вечер выхожу любоваться небом.

Мы с братом, когда бывали вместе, любили вспоминать свое детство, вовсе не потому, что оно было светлым и беззаботным, а скорее наоборот, оно было трудным, нельзя сказать, что беззаботным, просто нам есть что вспоминать, нам с ним было тяжело, но такова была жизнь, мы были люди своего времени, мы росли в тяжелые годы Великой Отечественной войны и в послевоенное нелёгкое время. Мы росли в ритме гигантских перемен, в гуще событий, которые все люди нашей страны ощущали на себе, каждый по-своему, но все вместе мы были одной страной.

Сколько себя помню, мы всё время работали – то надо сгнать корову на речку на водопой, то почистить хлев, то напилить дров, то принести в дом воды из колодца, то на санях, в которые запряжён бык Мишка, надо зимой съездить набрать соломы, которой топили по вечерам печку-голландку, то половину лета делали на зиму запас кизяков. Русскую печку у нас топили кизяками. Это работа на целое лето – заготовить топливо. Кизяки делались так: большую кучу навоза, которая копилась всю зиму, разбрасывали тонким слоем, поливали обильно водой, потом на коне топтали эту смесь навоза и соломы до состояния вязкой массы. Затем целыми днями делали кирпичи из этой массы (бы-

ли специальные станки на 2–3 кирпича). Наложив массу в станок, тщательно ногами (босыми) её утаптывали, потом относили на ровное место за оградой и укладывали кирпичи плашмя. Когда через неделю они подсыхали сверху, переворачивали их на ребро, затем через 10–15 дней складывали из них «пятаки» (пять кирпичей в виде домика, чтобы они просыхали). Через 2–3 недели складывала из них большие круглые кучи, чтобы они ещё лучше просохли, наконец, в сентябре или в октябре уже сухие, готовые кизяки складывали в сарай. Оттуда зимой заносили в дом и топили русскую печь. Сначала разжигали 2–3 полена дров, на них накладывали кизяки. Они жарко горели, в печку ставили чугунок с пищей. Делали это потому, что лесов больших вокруг Здвинска нет. Много дров заготовить не могли, дров заготавливали только на растопку и чтобы по вечерам топить вторую печь-голландку. Такое топливо-кизяк нам досталось от монголо-татарских степняков. Кизяками топили до тех времён, когда стали завозить каменный уголь баржами по реке и машинами из Барабинска. Сейчас уже мало кто и знает, как готовят кизяки. В наше время мы этим зарабатывали деньги – ходили по дворам, делали кизяки и получали деньги в соответствии с количеством изготовленных кирпичей. Конечно, ноги все были в царапинах, ранах, цыпках, и только накануне нового учебного года мать отпаривала нам ноги, смазывала кремом. Всё лето мы ходили босиком, обувь надевали в сентябре, если у кого была. У кого не было, бегали в школу босиком до самых морозов. Помню, был у нас на соседней улице смышленный мальчишка, его мать работала в колхозе, денег на одежду и обувь не было, и он и зимой бегал в школу босиком: прибежит, сунет красные ноги в печку (в школе было печное отопление), отогреет и на занятия. И таких было не мало, а некоторые и вовсе не ходили в школу по той причине, что не было одежды. В годы войны наиболее бедным детям в школе давали талоны на обед в школьной столовой. Как-то раз такой талон достался и мне, я протолкнулся в толпе к раздаче, отдал талон, повар кинул мне в алюминиевую тарелку комок толчёной картошки, но не успел я отойти от раздачи, как кто-то из старшеклассников выхватил у меня тарелку. Так я и не пообедал бесплатно.

Всё лето мы тоже были заняты. Отец давал нам с вечера задания: напилить дров, подмести ограду, наловить рыбы. Если мы наловим ведро рыбы, то можем идти играть. Вставали мы утром часов в 5–6, шли на речку туда, где река была полноводной, чтобы с восходом солнца начать ловить рыбу. У каждого из нас по 2 удочки-донки, ведро для рыбы, банка с червяками, которых мы копали с вечера. И иногда, если повезёт, часов в 12 у нас уже были полные вёдра окуней, чебаков. Мы несли улов домой, отдавали матери, а она занималась его переработкой. Рыбы в реке было много, ловили её и весной, и летом, и зимой. Особенно много ловили рыбы весной, во время нереста. В реку Каргат заходили в то время щука, язь, они нерестились, при этом шли против течения, прижимались к берегам и тальнику, который рос в воде у берегов. Вот в это время рыбу и ловили. Можно было спокойно на удочки за день поймать 2–3 ведра щук, яззей, окуней. Рыбачили мы почти каждый день, рыбы, рыбьего жира хватало на всю зиму.

Как только начинался сенокос, мы уезжали надолго из дома. Дело в том, что конюхом в районном отделении связи работал Яньшин Тихон Пахомович, человек достаточно для того времени образованный. В 1941 году он был призван в Красную Армию, но до фронта не доехал, их эшелон разбомбили немцы. Тихон Пахомович был тяжело контужен, у него начались сильные эпилептические припадки, его демобилизовали. Припадки были очень частые, он ходил круглый год без головного убора, и лишь когда мороз достигал 40 градусов и более, надевал «будёновку» – шлем времён гражданской и финской войн. Припадки длились всего несколько секунд, но он мог упасть с сенокосилки или с граблей, попасть под лошадь. Вот поэтому ему всегда нужен был человек, который мог бы спасти его жизнь. Они были большие друзья с моим отцом, поэтому отец посылал нас с братом по очереди быть на покосе. Пока мы были маленькие, мы просто смотрели за тем, как Тихон Пахомович работает, помогали кормить лошадей, варить пищу, а когда стали повзрослей, помогали работать на конных граблях, копнили, ухаживали за лошадьми. Сенокосный период длился долго: сено заготавливали не только для почтовых лошадей, но и для скотины всех

сотрудников. Покос был далеко – иногда в 10–15 километрах от села.

Раз в неделю мы ездили в баню, садились верхом на коней, подстелив телогрейку, и мчались (в полном смысле этого слова) в село, чтобы не только побыть в бане, но и встретиться с друзьями. Чаще всего свой стан мы устраивали на берегу реки, строили шалаш, накрывали его свежей травой, внутри тоже стелили траву. Вечером, после ужина, слушали рассказы Тихона Пахомовича, слушали его песни. Особенно он нравился моему брату, тот многое взял у конюха: его манеры, его привычки. Надо сказать, что ездили мы на сенокос с удовольствием, потому что Тихон Пахомович кормил нас своими продуктами. В деревянном ящичке он привозил вяленого барана, хлеб, картошку, сахар, и мы лето хорошо питались (по меркам того времени). Мы хорошо ухаживали за лошадьми, умели запрягать лошадей в телегу, ездить верхом, работать на конных граблях, делать копны, помогали метать стога. В выходные дни на помощь съезжалось большинство работников отделения связи, чтобы помочь копнить, метать стога. Работа шла споро, взрослые шутили, вместе обедали, купались, а вечером мы их отвозили домой. Что характерно, мы не слышали от взрослых нецензурных выражений, скабрёзных анекдотов, грубостей, как у кого-то вырывалось что-то в этом роде, кто-нибудь из взрослых сразу обрывал его: «Смотри, тут дети».

В 1949 году к нам в село привезли большую партию эстонцев и литовцев, семьи которых были связаны каким-то образом с немцами во время войны. Привезли их на открытых машинах, разместили, где только можно, это было начало мая. За нашей улицей (называется она Закраевская) колхозники построили 3 пластанки, домики из дёрна. Мы, ребяташки, пошли знакомиться с ними. Я очень подружился со своим ровесником из Эстонии. У них была большая семья. Детей звали Эвальд, Айн, Виви и Иво. С ними была мать. Отец, инженер-авиастроитель, во время войны работал на заводе, где ремонтировали немецкие самолёты. Отца за это сослали на Урал работать на заводе, а семью выслали в Здвинск. Мы поразились их высокой культуре. Одеты дети были очень хорошо, в хорошие костюмы, платья,

пальто. Мы подружались с мальчиком, которого звали Иво. В семье были хорошие взаимоотношения, полное, безоговорочное послушание матери. Бывало, вечером где-нибудь далеко от дома играем, слышим звонкий материн голос: «Иво, тула сия», что означало, иди сюда. Иво сразу бросал всё и бежал домой. Дети быстро освоили русский язык (может быть, они раньше изучали его в школе в Эстонии), мать по-русски говорила плохо. Но никакой ненависти к русским в этой семье не было высказано. Мать работала в колхозе, старшие дети устроились, где могли, младшие ходили в школу. В домике всегда был идеальный порядок и чистота. Мы с Иво летом пошли на заработки – заготавливать дрова. Здвинск – районный центр, в нём много различных организаций, у всех печное отопление, на зиму надо было заготавливать много дров. Вот мы с Иво взяли двуручную пилу, топоры и нанимались в организации пилить, колоть и складывать в поленицы дрова. Таких бригад было много. Всё лето, за исключением 1 недели перед 1 сентября, мы ежедневно работали, в день заготавливали 3–4 кубометра, получали хотя и небольшие деньги, но на одежду и книги к учебному году зарабатывали, да и физически становились крепче. А когда учились в 8, 9 классах, отец Иво устроил нас на стройку, где мы двуручным рубанком строгаем прогоны и стропила для большой стройки. Здесь уже наши заработки были иногда больше, чем у отца. Помню, я с первой зарплаты купил велосипед, стоил он тогда порядка 670 рублей (отец получал 500 рублей). Это было событие, как сейчас покупка машины. По вечерам, посадив на раму или на багажник свою девочку, мы катались по селу, а днём на велосипеде отец ездил на работу.

С семьёй Иво мы дружили до самого их отъезда, никаких национальных скандалов, мы жили одинаково, уважительно. В 1953 году вернулся его отец, а в 1956 году им разрешили вернуться домой.

Брат Анатолий был старше меня на 3 года, поэтому к труду приучился ещё раньше. Помню, как-то его позвали в соседний колхоз пасти стадо свиней. Ферма свиней была прямо за нашими огородами, там же их и пасли, места было много. За работу ему ежедневно давали калач хлеба, вкус этих калачей я и сейчас

ощущаю. Но проработал он там недолго, вскоре уехал на сенокос. Первый класс я практически не посещал, а уже во 2 класс я стал ходить регулярно. Вспоминаю зимнее время. Мороз за 300, бегу утром в школу, школа от дома далеко, через речку по льду, на мне коротенькая рваная телогрейка, рубашка и дырявые штаны. Бегу, замёрзли руки, замёрзли колени, присел на корточки, погрел колени и руки и опять бегом до следующей остановки. А в 3-м классе мать сшила мне штаны из мешка, в котором была мука. Мешковина плотная, мать распоролла мешок, сшила штаны, а так как покрасить было нечем, она покрасила их фиолетовыми чернилами. Зато пришила два кармана. Как я был рад, хотя многие мои сверстники первое время смеялись над моей обновкой.

Каждый учебный год в школе заканчивался экзаменом – мы писали контрольные работы по русскому языку и математике. Я хорошо учился, все работы выполнял хорошо, вот только почерк у меня был ужасным, особенно если учесть, что чернила мы изготавливали сами из древесной сажи. Залезешь рукой в трубу, наскребёшь сажи, разведёшь водой – вот тебе и чернила, которые носили в небольших пузырьках. Всё хорошо, чернила хорошо видны на бумаге, но если ты стряхнёшь тетрадь или неосторожно с нею обращаешься, сажка осыпается, и лист бумаги становится грязным. Сколько я страдал из-за этого, тетради были всегда грязные, учительница ругалась.

В 4-м классе некоторых ребят приняли в пионеры, они носили красные галстуки, приветствовали друг друга и пионерскую вожатую пионерским салютом. Я страшно завидовал им, мне тоже хотелось носить красный галстук и отдавать пионерский салют. Но для этого нужен был галстук, а его можно было купить только в Новосибирске. Для этого надо было сдать старшей вожатой деньги, она каким-то образом покупала галстуки. Но у меня не было денег. Кое-как я выпросил у отца деньги на галстук, отдал вожатой и стал ждать, когда мне повяжут галстук. Для этого надо было письменно, на листе бумаги оформить торжественное обещание: «Я, юный пионер, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю... и т.д». Долго и кропотливо я разукрашивал, чем мог, лист с торжественным обещанием, учил стихи

«Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с красным знаменем цвета одного. А под этим знаменем в бой идут бойцы, за Советы бьются братья и отцы». Наконец, на сборе дружины в школьном коридоре, где стояли несколько сот пионеров, мне повязали галстук. Я стал пионером! Мы проводили пионерские сборы, жгли пионерские костры, ходили в поле собирать колоски с остатками зерна, оставшиеся после жатвы, пели пионерские песни:

«Эх, картошка, тошка, тошка,
Пионеров идеал, ал, ал,
Тот не знает наслажденья, дня, дня,
Кто картошки не едал, дал, дал».

А эта песня была гимном советских пионеров, пели её на праздниках и торжественных сборах:

«Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы – пионеры, дети рабочих!
Близится эра светлых годов,
Клич пионеров – Всегда будь готов!»

Создавали тимуровские отряды, помогали инвалидам войны, старушкам: носили и складывали дрова, носили или возили воду для полива огородов. А в начале сентября все отчитывались о своей работе, хвалили тех, кто много сделал за лето в тимуровском отряде.

«О, лето красное! Любил бы я тебя . . .»

Лето для деревенских детей – это пора интенсивного труда: надо помочь родителям (матери, отец на работе) посадить картошку, да не на даче – 1 сотку, а огород 15–20 соток, сделать из навоза грядки для огурцов, потом настаёт пора поливать посадки – огурцы, капусту, помидоры. Вода только в речке, до речки метров 300. Дома двухколёсная телега, на ней двухсотлитровая бочка – нужно наполнить бочку водой из реки, довести до дома, где мать разольёт её по лункам. Просим: «Ну ты поменьше лей», мать ковшиком поливает огуречные грядки – 2 или 3, приходится 3–4 раза съездить за водой, это мальчишке, которому 8–10 лет. Лето жаркое, полив через день. А ещё лето – это сбор

ягод, лесной клубники. Утром рано встаём с матерью, она берёт большое ведро, мне маленькое, идём в недалёкие колки, вокруг огромные поляны, заросшие зелёной травой, разгребаешь траву и вот они красные ягодки! Рвём, переходим с одной поляны на другую, взгляд у меня острый, хорошо умею отыскать полянку с ягодами. Зову мать, она уже сама нашла полянку, кричит: «Собирай, я приду». Набираю полное ведёрко, бегу, показываю матери, она хвалит и просит высыпать её в большое ведро. Ягодки мелкие, собирать их нудно, но постепенно ведро наполняется. Жара, хочется пить, у матери бутылочка с водой, попил и опять за работу. К обеду возвращаемся с полным ведром клубники! Мать чистит её, толчёт, срывает большие листья подсолнуха или капусты, раскладывает на них толченую ягоду и сушит – зимой будет варить кисели и компоты. Высушенные листья нанизывает на большую палку – вешало и вешает её за печку. Считает, сколько всего кружков ягод, чтобы мы не съели. Мы с братом это знаем, поэтому кружки не ворует, а потихоньку общипываем его со всех сторон. Кружки становятся маленькими, но по количеству всё цело. Мать, конечно, видит это, но не ругается, знает, что дети любят сладкое, а других сладостей у нас и не было.

Вот к концу июня поспевают первые огурцы. Но не для себя, нужны деньги на одежду к школе, на учебники, тетради, ручки, карандаши. Рано утром мать собирает урожай огурцов – полведра! Будит меня, ведёт в центр села, сажает где-нибудь у здания почты или магазина торговать огурцами. У нас всегда были ранние огурцы, поэтому пока рабочие идут на работу, я успеваю распродать свой товар, заработок несю матери, она знает, сколько я должен заработать. Пока огурцы не выросли у всех, мы успеваем набрать какую-то сумму денег. Сами едим огурцы последними, когда их уже никто не покупает.

А полоть большие грядки моркови и свёклы! Это истинное мученье – вырвать сорняки, не повредив посевы, иногда после нашей «прополки» на грядке мало что остаётся, тут мать выгоняет нас с огорода и принимается за дело сама. А потом пошли кизяки, потом заготовка дров, потом сенокос, а ещё сбор ягод и рыбалка. Вот так всё лето. Зато всё-таки бывают часы, когда мы

всей гурьбой идём на речку купаться! Вода к вечеру нагревается, становится тёплой, мы купались до одури, собирали раковины, делали из глины катушки, катались с горки в реку. К вечеру на речку приходят вернувшиеся с работы взрослые – мужчины, женщины. Смех, шутки, мы вокруг!

Лето пролетало незаметно, наступала осень, снова в школу...

Школа. Самое высокое здание в то время в Здвинске – школьное, двухэтажное, кирпичное, построенное в 1940 году. Просторные классы, высокие потолки (3,5 метров), большие широкие коридоры, спортивный зал, гардеробы. Она была единственная в районе средняя школа. Сюда в старшие классы (8–10) съезжались ученики со всего района. Ученики селились на квартирах, жили здесь неделю, а на воскресенье большинство уезжало домой, хотя транспорт был один – лошадь. Иным ехать на лошади приходилось 30–40 километров!

С тёплым чувством вспоминаю учителей школы. В основном все они были не местные жители. В те времена была очень хорошая традиция – выпускников педагогических вузов страны распределяли по дальним областям и районам. Часто у нас в районе были учителя из Москвы, Ленинграда, Казани, Белгорода. Приезжали иногда целыми бригадами (вуз формировал бригаду из учителей разных предметов и их вместе посылали в какую-то школу).

Запомнились мне учителя из Ленинграда и Москвы:

Новиков Аркадий Николаевич, учитель физики, огромного роста, очень эрудированный, строгий. Мы все знали материал физики наизусть.

Севостьянова Фелицата Ивановна, ленинградка, учительница русского языка и литературы, эвакуирована была в годы блокады Ленинграда.

Богданович Нина Петровна, учительница истории.

Евсеев Владимир Николаевич, учитель математики, фронтовик, награждённый многими орденами и медалями, мой бесценный классный руководитель в 8–9–10 классах.

Коростина Лидия Ивановна, учительница химии.

Журавлёв Николай Степанович, уже собственный выпускник Куйбышевского учительского института, учитель истории,

после переквалифицировался в учителя математики, фронтовик, без одной руки, очень увлекательный рассказчик.

Кондрашкина Анна Никифоровна, учительница немецкого языка.

Сочнева Лидия Стратоновна, учительница русского языка и литературы.

Мистюрина Наталья Васильевна, учительница географии и моя первая учительница в 1 классе.

К сожалению, не смог вспомнить других учителей из Московского педагогического института имени Ленина и из Ленинградского педагогического института, которые работали в школе всего 3 года (по направлению), но показали замечательный образец европейского интеллигента: с широким кругозором, высокой культурой. Помню, как молодой учитель литературы, ленинградец, в 9 классе целый урок читал наизусть «Евгения Онегина», мы были в шоке, он же стал вести у нас кружок юных поэтов, отбоя не было, мы все хотели стать поэтами. К сожалению, сейчас перестали выпускников вузов из европейской части посылать на работу в Сибирь. А ведь это они основали сибирский Академгородок, они в своём большинстве становились преподавателями наших вузов. Они несли европейскую науку и культуру к нам. Сейчас наша интеллигенция «варится в собственном соку»: окончил местную школу, местный вуз, учился у местных преподавателей ... Может быть, поэтому, заметно снизился авторитет Академгородка, местных вузов!

Старшие классы учились во вторую смену, с 14 часов. Зимой темно становилось уже на третьем уроке. Дежурные ученики должны были получить на класс по 4 керосиновые лампы. Их приносили в класс, вешали на закреплённые места. Но света было мало; если в каком-то классе были контрольные или письменные работы, то просили передать ещё 2 лампы, чтобы было светлее. Но хитрые ученики заранее уносили в соседние классы 2 лампы и в классе был полумрак, чем пользовались нерадивые ученики.

Писали перьевыми ручками, перо обмакивали в чернила, которые носили или в небольших пузырьках, или в специальных чернильницах – «непроливашках». Все парты всегда были

залиты чернилами, да и одежда тоже. Чернильницы часто во время перемен воровали, особенно старшеклассники, которые не хотели носить мешочки с чернильницами. Как правило, после уроков чернильницы находились. Дежурные ученики должны были раз в неделю отмывать парты от чернил. Верх парты был чёрным, низ коричневым. На столешницах были специальные отверстия для чернильниц и небольшие пазы для ручек.

ГЛАВА V

Война

Ах, война, что ты сделала, подлая...

Начало войны я не помню, мне ещё не было и 4-х лет, но она длилась целых 5 лет, и в памяти отложились события проводов на фронт, письма фронтовиков, плач, когда в дома приходила «похоронка», как женщины собирались и гадали о судьбах тех, про кого говорили «пропал без вести». Это значит, что в части солдата нет, не найден он и не захоронен после боя. Всем так хотелось верить, что «пропавший без вести» всё-таки жив и здоров, или попал в плен, или лежит раненый в госпитале. Поэтому матери, жёны, невесты, дети ждали хороших вестей, ждали долгие годы, иногда всю жизнь. Война вошла в каждый дом. Вот и в наш дом она вошла сразу же.

С самого начала войны ушёл на фронт бывший чекист *Леонов Николай Архипович*, 1897 года рождения, муж Агафьи Семёновны, а уже в марте 1942 года пришло извещение, что Николай Архипович был убит 7 марта 1942 года под Ленинградом. Позже он был захоронен в г. Сестрорецке в братской могиле. С октября 1942 года был на фронте и его сын *Леонов Пётр Николаевич* (на фотографии слева), призванный в

октябре 1942 года, воевал на Карельском фронте, в 1-м лыжном батальоне, был миномётчиком, награждён боевыми наградами: медалью «За отвагу» и орденом «Красная Звезда», прошёл путь до Берлина, был тяжело ранен в голову, рана почти не зажила (снесена осколком снаряда часть черепа). Работал после войны в Здвинске, отец троих детей, похоронен в Здвинске.

Вот его наградные материалы:

Наградной лист

1. Фамилия, имя, отчество *Леонов Пётр Николаевич*
2. Звание – *младший сержант*
3. Должность – *командир отделения миномётной роты 1-го отдельного лыжного батальона 33-й отдельной лыжной бригады*

Представляется к награде орденом «Красная Звезда»

4. Год рождения – *1922*
5. Национальность – *русский*
6. Партийность – *член ВКП(б)*
7. Участие в боевых действиях по защите СССР в Отечественной войне – *с ноября 1941 Карельский фронт*
8. Имеет ли ранения и контузии – *тяжёлое ранение 24 июля 1944 г.*
9. С какого времени в Красной Армии – *с октября 1941 года*
10. Каким РВК призван – *Здвинским РВК Новосибирской области.*

Краткое изложение личного боевого подвига и заслуг

В бою против белофинских захватчиков 9 июля 1944 года командир расчёта 82 мм миномётов младший сержант Леонов П.Н. организовал чёткую и бесперебойную работу. Под пулемётным огнём противника быстро установил миномёт. Его расчёт своей меткой стрельбой рассеял сосредоточения противника у нашего штаба части. От огня расчёта Леонова белофинны понесли большие потери, оставили на поле боя до 20 солдат и офицеров, уничтожен 1 пулемёт с прислугой. Когда бой разгорелся, бое-

припасы были на исходе, командир взвода был ранен, младший сержант Леонов принял командование взводом на себя, поднял взвод и вместе со стрелками пошёл в атаку. Противник, понеся большие потери, в панике разбежался по лесу.

За проявленную отвагу и инициативу в бою ходатайствую о награждении младшего сержанта Леонова орденом «Красная Звезда».

*Командир 1-го отдельного лыжного батальона
капитан Таскаев*

Приказ № 054

от 09.04.1944 г.

Действующая армия частям 33
отдельной лыжной бригады
Карельский фронт

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю:

Орденом «Красная Звезда»

Младшего сержанта

Леонова Петра Николаевича – командира отделения миномётной роты 1-го отдельного лыжного батальона.

Наградной лист № 2 (выпуска)

Леонов Пётр Николаевич

1922 г. рождения

русский

член ВКП(б) с 1944 г

старший сержант

Награждён медалью «За отвагу»

«Командир орудия батареи 45 мм пушек 1-го стрелкового батальона гвардии старший сержант Леонов Пётр Николаевич в период боевых действий на подступах к городу Гдыня 2-го Белорусского фронта показал мужество и отвагу, находясь с орудием на прямой наводке при отражении контратаки противника, по-

давил 2 огневые точки и уничтожил до 15 солдат противника. В боях за Социалистическую родину был тяжело ранен».

Ушёл на фронт *Кольшкин Фёдор Семёнович*, брат матери, который жил в Ногинске. Ушёл с самого начала, а уже в июне 1942 года родные получили сообщение, что «техник – интендант 2-го ранга *Кольшкин Фёдор Семёнович* пропал без вести в июне 1942 г на Западном фронте».

Остались его жена и сын. (Фото май 1941 г.).

Как только исполнилось 18 лет, ушёл на фронт *Шунин Пётр Георгиевич*, сын *Анны Семёновны*, сестры матери. Это было в 1943 году, был заряжающим 82 мм миномёта. Был награждён медалью «За боевые заслуги», служил в кавалерийской бригаде. После войны жил и работал в г. Уфе Башкирской республики.

В апреле 1943 года был отправлен на фронт *Петров Павел Филиппович*, мой тесть, отец моей жены. Прошёл путь до Берлина, награждён медалью «За отвагу» и орденом «Отечественной войны II степени». После войны жил и работал в колхозе Болотнинского района, похоронен в п. Смоленское.

Наградной лист

1. Фамилия, имя, отчество – *Петров Павел Филиппович*
2. Звание – *гвардии рядовой телеграфно-кабельной роты 127 отдельного гвардейского батальона связи*
3. Представляется к награждению орденом «Отечественной войны II степени»
4. Год рождения – *1895 г.*
5. Национальность – *русский*
6. Партийность – *беспартийный*
7. Участие в боевых действиях –
с 05.1943 по 08.1943 г. – Юго-Западный фронт,
с 09.1943 по 04.1944 г. – 3-й Украинский фронт,
с 06.1944 по 20.04.1945 г. – 1-й Белорусский фронт.
8. Имеет ли ранения - *тяжело ранен 20.04.1945 г. под с. Дидерсдорфом*

Краткое описание боевого действия

«При прорыве глубоко эшелонированной обороны немцев на Кюстринском плацдарме 16.04.1945 г. тов. Петров П.Ф. проявил мужество и отвагу: под ураганным огнём построил кабельную линию связи на НП – 27 гвардейской стрелковой дивизии. В этот же день тов. Петров под массированным вражеским огнём устранил 9 порывов на линии связи в течение 29 минут, чем обеспечил бесперебойную связь командиру 29 гвардейского стрелкового полка с командиром 27 гвардейской стрелковой дивизии.

18-го 04.1945 г. во время отражения яростной контратаки врага устранил 7 порывов на линии связи, идущей на НП 74-й гвардейской стрелковой дивизии в течение 23 минут.

20.04.1945 г. тов. Петров под разрывами вражеских снарядов, устраняя 5-й порыв на линии связи, идущей на НП – 27 гвардейской стрелковой дивизии в районе с. Дидерсдорф, был тяжело ранен осколком вражеского снаряда, но мужественный связист продолжал устранять, пока не изменили ему силы. Как верный сын Родины, за образцовое выполнение боевых заданий коман-

дования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленное при этом мужество, отвагу и доблесть, награждается орденом «Отечественной войны II степени».

*Командир 127 отдельного гвардейского батальона
зв. майор Руденко
12 июня 1945 г.*

Ещё одно награждение.

*Приказ №791/н
войскам 8 гвардейской армии*

от 24 июля 1945 г.

г. Веймар

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых задач командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю:

по 149 армейскому запасному ордену Александра Невского полку:

медалью «За отвагу»

№ 12 Красноармейца Петрова Павла Филипповича, стрелка.

Выписка о подвиге:

«Тов. Петров П.Ф., участник Отечественной войны с 1943 года. Участвовал в боях над врагом в освобождении города Людиново, был ранен. Участник боёв за Варшаву, форсирования Одера. Имеет ряд благодарностей: за освобождения гор. Гомеля, Познани, за прорыв обороны немцев и наступления на Берлин, за овладение Берлином. При взятии Берлина был ранен».

Вот таким образом целое отделение дала наша семья на защиту Родины. Двое из них не вернулись.

В мирное время наша семья тоже участвовала в защите Родины.

Первым ушёл служить в Советскую армию старший брат Анатолий. Служил он 3 года – с 1953 по 1956. Служил в группе войск в Германии.

Анатолий ещё не успел придти домой, как в армию был призван и я. Служил с 1956 по 1959 год. Служил в Прикарпатском военном округе в г. Яворове Львовской области.

Служил в отдельном сапёрном батальоне 17-й тяжело-танковой дивизии, командир дивизии – генерал Коростий Савелий Павлович, командир батальона – подполковник Афиногенов. Оба командира участники Великой Отечественной войны, кавалеры многих боевых наград, настоящие офицеры.

Следующим пошёл служить в Советскую Армию сын Михаил. В армию его призвали в день получения диплома об окончании Новосибирского педагогического института. Сначала он окончил школу младших авиационных специалистов в Алтайском крае, затем служил 1,5 года в Армавире, в училище военных лётчиков. Вернулся из армии в 1987 году.

Продолжил мужскую традицию и внук Сергей, ему пришлось служить уже в Рос-

сийской армии 1 год. Он окончил курсы радиомехаников в г. Тольятти, потом служил в г. Хабаровске с 2013 по 2014 год механиком малоканальной тропосферной радиорелейной станции.

В пограничных войсках на Дальнем Востоке служил два года муж племянницы – Найдёнов Борис Иванович.

На Дальнем Востоке служил в морской пехоте сын Галины – Владимир Мазуренко.

Сын Валентины Александр Анисимов служил в г. Химки Московской области.

Вот таким образом 6 человек защищали нашу Родину в мирные годы, тоже набирается целое отделение.

ГЛАВА VI

Послевоенные годы

Мли школьные годы, мы ежегодно сдавали экзамены. С 5-го класса не только по русскому языку и математике, но ещё по нескольким предметам: по русскому языку устный экзамен, в 6-м классе – по ботанике, в 7-м классе – по геометрии и физике (кроме двух обязательных). В каждом классе после экзаменов «отсеивалось» несколько человек. Помню: 8-х классов у нас было 5, 9-х – 4, 10-х – 3. А учеников было много, в средних классах по 40 – 45, в старших (8–9–10) по 30–35.

В школе бурно шла общественная жизнь, в старших классах были ученики, которым было по 18–20 лет, потому что во время войны детей отдавали в школу тогда, когда можно было их во что-то одеть и накормить, поэтому в 1-х классах учились и семилетки и дети в возрасте 10–11 лет. В школе была большая комсомольская организация. Комсомольцы были элитой школы, у них часто про-

мольские собрания, диспуты, они с красными повязками дежурили по школе, устраивали субботники, летом их брали на работу в колхоз, осенью они весь сентябрь работали на очистке зерна, на погрузке зерна в машины.

И вот 20 октября 1951 года меня приняли в комсомол в школьной комсомольской организации, долго спрашивали историю комсомола, задавали вопросы по уставу. В этот же день нас направили для утверждения в райком комсомола, где заседала большая комиссия. Кроме устава, почти всем задавали вопрос: «На кого из героев-комсомольцев ты хочешь быть похожим?» Конечно, мы все хотели быть похожими на Олега Кошевого, Сергея Тюленина, Александра Матросова и других героев. Задали такой вопрос и мне, а я растерялся и сказал, что хотел

бы быть похожим на Ульяну Громову (героиню романа Фадеева «Молодая гвардия» о молодогвардейцах г. Краснодона). Все члены комиссии засмеялись, председатель комиссии говорит: «Что ж ты так? Все хотят быть похожими на Олега или Сергея, а ты на Ульяну». И тут выяснилось, что мне ещё нет 14 лет, так как родился я 25 октября, а заседание бюро шло 20-го октября. Решили подождать, пока мне исполнится 14 лет. Второй раз меня утверждали 28 октября без вопросов, как раз в день рождения комсомола. А в 10-м классе меня избрали комсоргом класса, я проводил заседания бюро, комсомольские собрания, собирал членские взносы, устраивал дежурство не только по школе, но и по селу, организовывал субботники и воскресники. Весь сентябрь мы не учились, а работали на триерах (машины для очистки зерна). Машины крутили вручную по 2 человека за рукоятку.

Работа тяжёлая, мы часто ходили в ночную смену, жгли костры, нас кормили колхозными калачами с молоком. Позже, уже будучи в Советской Армии, меня избрали комсоргом роты, мы часто устраивали поездки по закарпатским сёлам, читали стихи, пели песни, рассказывали о службе в армии. В Закарпатье в то время ещё бродили шайки бандеровцев, которые настраивали население против «москалей».

За работу с населением я был награждён Почётной грамотой Львовского обкома комсомола Украины.

Хотелось бы мне развеять здесь одну ложь о том, что в комсомол вступали в погоне за карьерой, что комсомольцы – это сплошь карьеристы. Помилуйте, о какой карьере могли мечтать мальчишки и девчонки, которым исполнилось 14 лет? Просто в те времена комсомол – это освоение целины, это стройотряды, это добровольные народные дружины, это БАМ, это военные училища, куда был самый большой конкурс и просто – это жизнь, полная энтузиазма.

«В буднях великих строек,
В весёлом грохоте, в огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна учёных!..

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесём через миры и века!»

Вот эти слова из песни И. Дунаевского были у нас в душе, они звали нас на труд и на подвиг, а не стремление сделать карьеру.

Жизнь между тем шла бурными темпами. В 1953 году умер И.В. Сталин. Запомнился этот день надолго. Мы сидели на уроке, звонок давно прозвенел, а учителя всё нет. Прошло уже пол-урока, наконец, приходит наш классный руководитель, заплаканный, сел, ни на кого не глядя, сказал: «Ребята, умер Сталин Иосиф Виссарионович», заплакал вслух, махнул рукой и выбежал из класса. В классе гробовая тишина. Впервые мы видели, как плакал наш классный руководитель, фронтовик, орденноносец.

Это было потрясающее событие. Занятия в школе отменили, в коридоре установили большой портрет Сталина, поставили почётный караул из лучших пионеров, а вечером десятиклассники во дворе школы устроили ружейный салют. Все люди были в панике, все думали, что теперь будет, как будем жить без Сталина, было жутко, ведь с его именем выросло целое поколение людей, с его именем связана была и коллективизация, и индустриализация, и победа в Великой Отечественной войне!

Но жизнь продолжалась. Замелькали имена и портреты новых руководителей: Булганина, Маленкова, Хрущёва, Берии... Потом подковёрная борьба в ЦК, арест и расстрел Берии, увольнение и ссылка Маленкова, отстранение Булганина, и, наконец, триумф Хрущёва Н.С. Начало бурных перестроек, освоение целинных и залежных земель, кукуруза, квадратно-гнездовая агротехника, укрупнение колхозов, передача сельхозтехники от МТС (машинно-тракторные станции, в то время они обслуживали колхозы тракторной и уборочной техникой) в укрупнённые колхозы, создание совнархозов, разделение коммунистической партии на промышленную и сельскохозяйственную, тридцатитысячники (по примеру тридцатых годов тридцать тысяч руководящих работников партии послали руководителями колхозов, совхозов, руководить сельскими и районными советами).

Началась бурная жизнь:

«Мы пришли чуть свет
Друг за другом вслед,
Нам вручил путёвки
Комсомольский комитет»

«Едем мы друзья,
В дальние края
Станем новосёлами
И ты, и я!»

Тысячи комсомольцев из центральных областей, из крупных городов в сотнях поездов ехали в Сибирь, в Алтайский край, Казахстан на освоение целинных и залежных земель, строили новые посёлки, распахивали миллионы гектаров земель, десят-

ки заводов, выпускавших в годы войны танки и пушки, стали изготавливать тракторы, комбайны, сеялки, веялки и другую сельхозтехнику. Страна встала на дыбы. Энтузиазм народа был огромен. Не обошлось и без крупных ошибок. Не все коммунисты и комсомольцы с радостью покидали насиженные тёплые места, кое-где росло недовольство, в основном чиновников от партии. В 1953 году по случаю смерти И.В. Сталина была объявлена амнистия, из тюрем и зон вышли десятки тысяч заключённых, среди них были и бандиты, и жулики, и убийцы. По стране прокатилась волна насилия, грабежей, убийств, в некоторых крупных городах пришлось на помощь милиции привлекать армию. Вскоре опять тюрьмы и лагеря заполнили бывшими амнистированными.

1956 год, доклад Н.С. Хрущёва «О культе личности Сталина» взорвал Советский Союз и социалистический лагерь. Сегодня либералы и демократы говорят, что доклад Хрущёва никто не читал, что только из материалов английских газет советский народ узнал о том, что говорилось в докладе. Это суцая ложь. В это время я, восемнадцатилетний парень, работал учителем математики и физической культуры в селе Михайловка Здвинского района. Помню, в один из мартовских дней меня известили, что в местном клубе состоится собрание сельского актива. Меня попросили прочитать для всех этот доклад. Это была небольшая брошюра с красной обложкой. На обложке вверху надпись «Для ознакомления партийного актива», а в конце доклада – «Сдать в райком партии через пять дней после прочтения».

Больше часа я читал для всех собравшихся в сельском клубе, после прочтения брошюру отдал секретарю колхозной партийной организации. Чтение шло в полнейшей тишине, после чтения многие не были согласны, просто не верили тому, что было сказано в докладе. Один пожилой коммунист рассказал о том, как Сталин И.В. в 1929 году приезжал в г. Новокузнецк. «Подошёл паровоз с одним вагоном, встречающие руководители подогнали сани с роскошной кошёвкой, запряжённой тройкой лошадей. Перед вагоном расстелили ковровую дорожку. Из вагона вышел Сталин И.В., за ним с карабином на плече охранник. Сталин осмотрел встречающих, повозку, ковёр, сказал: «Убери-

те этот маскарад, пешком пойдём». И пешком дошёл до горкома партии в сопровождении одного охранника с карабином и встречающих». Письмо на всех произвело удручающее впечатление, все молча разошлись. И, конечно, наутро содержание доклада знали все жители села. Так же было и по всей стране. Так что содержание доклада Н.С. Хрущёва стало известно всему народу через 10–15 дней после события. Никто ничего не скрывал. Другое дело, что доклад не был опубликован в газетах, но содержание его не стало тайной для народа.

Самым престижным в те времена (1954–60) был сельскохозяйственный институт, мы мечтали стать инженерами, агрономами. И вот после окончания школы мы с другом поехали поступать в Новосибирский сельхозинститут на инженерный факультет. Отец друга, председатель Здвинского райисполкома, дал нам направления-рекомендации. Но поступить нам не удалось, хотя учились мы с ним хорошо. И мы вернулись домой. Мой друг поступил на работу лаборантом в кабинет физики в школу, а меня пригласили поработать учителем математики и физической культуры в Михайловскую семилетнюю школу Здвинского района. Сейчас я со смехом вспоминаю этот год! Ну какой я учитель, мне ещё нет и 18-ти лет, а деревенские семиклассники в то время были одноклассниками со мной! Но в памяти остался мой первый директор – Губарь Михаил Евдокимович, немногим старше меня, окончил двухгодичный учительский институт, отслужил армию и вот директор школы. Он очень хорошо меня встретил и опекал. На всю жизнь я запомнил один эпизод. Выпускники 7-го класса после окончания школы пригласили меня на свой выпускной вечер на квартиру. Я спросил у директора, как мне быть, идти или не идти. Михаил Евдокимович сказал: «Иди, но помни, что ты учитель!» Эти слова я потом часто говорил своим молодым учителям. А в 1956 году, летом, меня призвали на службу в Советскую Армию.

1956 год, год, когда на целине вырос первый, небывалый урожай. Нас переодели в солдатскую форму и повезли в Алтайский край в Усть-Калманский район на уборку урожая. В поле, недалеко от села, мы построили полевой палаточный лагерь, оборудовали свою кухню и вместе с занятиями по уставу, строе-

вой подготовке, приступили к уборке зерна. Урожай был такой, что зерно не знали куда девать. Мы грузили машины и отправляли на элеваторы. Урожай крестьяне вырастили отменный, а вот хранилищ и элеваторов в крае не построили. Значительная часть урожая погибла на полях и в ветхих складах. Мы жили в больших палатках – 2 палатки на взвод в 26 человек, нам выдали матрасовки, наволочки, по 2 простыни, одеяла, полотенца, привезли машину свежей соломы. Мы набили соломой матрасовки, наволочки, застелили простыни, одеяла – вот и жильё, всё остальное на улице. Многие из нас впервые в своей жизни узнали, что спать надо на простыни. Был у нас в палатке интересный эпизод. Через 10 дней старшина приказал собрать простыни, наволочки и полотенца, чтобы отвезти их в стирку. Сдали все, старшина пересчитал, нет двух простыней. Спрашивает, кто не сдал. Стоит мой одноклассник, сын учителя математики и говорит: «Я не сдал» – «Почему?» – спрашивает старшина. «Они же новые, я их храню в вещмешке!» Все долго смеялись, но он действительно первый раз в жизни видел новые простыни и хотел их сохранить.

В эту осень не одна наша рота помогала убирать урожай, в этот год многие военнослужащие из всех военных округов были привлечены для помощи крестьянам. Этим и воспользовались некоторые тёмные силы в Европе. Были выступления контрреволюционных элементов в Венгрии, Польше, ГДР.

Нашу помощь прервала боевая тревога. Наша часть находилась в городе Владимир-Волынский. Танковый батальон был срочно отправлен на подавление мятежа в Венгрию. Нас посадили в скорый поезд и через 5 дней доставили во Владимир-Волынский. К этому времени мятеж был уже подавлен, в часть вернули часть танков, участвовавших в боях в Будапеште, это были искореженные, подбитые танки. Вскоре в связи с этими событиями в Прикарпатском военном округе была сформирована 17-я тяжело-танковая дивизия, куда вошёл и наш 146-й отдельный учебно-танковый батальон. Закрутились армейские будни. В январе 1957 года я был переведён в город Яворов, в штаб 17 ТТД, а затем я попал в учебный взвод сапёрного батальона, окончил курсы и был назначен командиром отделения в том же учебном взводе. Мы выезжали на учения. В Прикарпатском военном округе был огромный Яворовский полигон (где, кстати, сейчас американцы обучают украинский спецназ), там постоянно проводились учения дивизионные и окружные. Бывали мы на учениях и на полигонах в Белоруссии. Наглядно видели, в каких условиях осуществлялась операция «Багратион» в годы Великой Отечественной войны. Кроме того наш батальон участвовал в сплошном разминировании в Подкаменском районе, где во время войны немцы провели сплошное минирование, да так и оставили. А в мирное время на этих полях стали подрываться животные, люди, техника. Министр обороны приказал силами нашего батальона провести разминирование. Это была очень трудная и опасная работа. Немцы не только поставили противотанковые и противопехотные мины, но и сплошь были растяжки. После войны прошло уже 12 лет, поля заросли, и сапёры каждый день с миноискателями и щупами 2 месяца разминировали поля. Приходилось нам участвовать и в разминировании Львовского аэродрома, и склада с боеприпасами ещё первой мировой войны в Яворове, и сам Яворовский полигон. В общем,

служба была боевая. Но в нашем батальоне никогда не было никаких «неуставных» взаимоотношений. Многие наши командиры были участниками войны, ценили дружбу и взаимовыручку. Я дважды получал контузии по своей глупости, не выполняя положенные инструкции по обращению с взрывоопасными предметами. Но, видно, судьба меня хранила!

В армии в 1958 году меня приняли кандидатом в члены КПСС. В те времена, чтобы стать коммунистом, надо было 1 год побыть кандидатом в члены партии. В партию я вступил сознательно. Мне были по душе перспективы

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ
№ 10116758

Фамилия Храпов
Имя Юрий
Отчество Михаевич
Год рождения 1937
Время вступления в партию Октябрь 1960
Наименование партийного органа, выдавшего билет Московский ОК КПСС Новосибирской области

Дата выдачи 11 марта 1974

Секретариат ЦК КПСС
Уполномоченный ЦК КПСС
Секретариат ЦК КПСС
Секретариат ЦК КПСС

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ
1974 год

Месяц	Месячный заработок	Сумма взноса	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март	249	4-98	Храпов
Апрель	249	4-98	Храпов
Май	249	4-98	Храпов
Июнь	249	4-98	Храпов
Июль	294	4-98	Храпов
Август	212	4-98	Храпов
Сентябрь	249	4-98	Храпов
Октябрь	249	4-98	Храпов
Ноябрь	249	4-98	Храпов
Декабрь	249	4-98	Храпов

развития страны, я видел настоящих коммунистов – это мой командир дивизии Коростий Савелий Павлович, генерал-майор танковых войск, участник Великой Отечественной войны, награждён орденом «Отечественной войны» I степени, орденом «Красная Звезда» и пятью орденами «Красного Знамени». Он пришёл в Красную Армию в 1939 году и дошёл до Берлина, сыграл большую роль в моей армейской жизни. Мой командир батальона подполковник Афиногенов Владимир Макарович был боевым офицером, прошёл всю войну, награждён многими боевыми наградами: орденом «Отечественной войны» – дважды, орденом «Красная Звезда» – дважды. Помню, мы отстреливали ночное упражнение – стрельба с подсветкой ракетой. Почти весь наш взвод упражнение не выполнил. Подошёл комбат, стал спрашивать, почему плохо стреляли. Кто-то сказал, что автоматы не пристреляны, мушки сбиты. Он взял у первого попавшегося автомат, дал команду пустить ракету и открыл огонь – все мишени были поражены. «А теперь, приказал он, хоть до утра стреляйте, но упражнение должно быть выполнено всеми курсантами». Он был жёсткий командир, но зато мы в любой день

могли выступить на защиту Родины. Вот такие командиры – коммунисты были у нас, поэтому были для нас живым примером. А в августе 1959 года, накануне начала приёмных экзаменов в педагогическом институте, я приехал в Новосибирск. В те годы было положение, что военнослужащий, имеющий среднее образование, мог быть досрочно в последний год службы демобилизован для поступления в ВУЗ. Я летом отослал документы в пединститут, в июле мне пришёл вызов на экзамен, я подал рапорт на имя командира дивизии, и он (мы с ним лично были знакомы, он до войны был учителем в г. Яворове) подписал рапорт. Из дивизии он отпустил 6 человек из 16 подавших рапорт. Мне повезло! Приехал я в Новосибирск 30 июля, а 1-го августа первый экзамен. У меня полевая форма и солдатский вещмешок, приехал в общежитие, комнаты уже все были заняты, мест не было. Комендантша поселила меня в студенческом клубе на первом этаже. Какова же была моя радость, когда в клубе были уже ещё 3 дембеля, причём все на историко-филологический факультет. Так все вместе и поступили.

ГЛАВА VII

Учитель

*Понимаешь, мама, я - учитель,
Видишь, я вхожу, бледная в класс.
Это мне решили поручить их,
Сорок душ и восемьдесят глаз.*

*Учитель...
Сколько надо любви и огня,
Чтобы слушали, чтобы верили,
Чтобы помнили люди меня...*

**(из кинофильма
«Доживем до понедельника»)**

Студенческий мой путь длился недолго. Он был очень трудный. Стипендия, которую я получал, была 200 рублей, этого хватало только на завтраки (2пирожка с ливером и стакан чая) и на 3-х рублёвые талоны на обед в студенческой столовой. Помощи мне ждать было неоткуда, разве что брат пришлёт какие-нибудь 10–15 рублей. Приходилось 2–3 раза в месяц разгружать вагоны с углём. Втроём мы за день разгружали большой вагон (60 тонн) и за это получали по 100 рублей. Не все так жили, кое-кто жил «на широкую ногу», а мы (в основном те же солдаты, что жили в студенческом клубе) жили на стипендию в 200 рублей. В этом же (1959) году я встретил девушку, однокурсницу, из Болотнинского района, такая же бедная, как и я. А летом 1960 года мы поженились, Мне было почти 23 года, ей почти 18. Дали нам на 2 семьи комнату в общежитии, перегородили

мы её полевой палаткой, поставили кровать, стол и стали жить в любви и согласии. Через год 7 августа 1961 года у нас родился сын Михаил Юрьевич (назван так в честь моего любимого поэта Лермонтова М.Ю.).

Стали мы думать, как нам дальше жить. А тут вскоре в общезжитии появился знакомый выпускник геофака, он уже работал директором семилетней школы в селе Барлак Новосибирского района. Разговорились, он предложил мне ехать к нему на работу завучем и учителем истории, а жене пообещал дать 8 часов уроков русского языка. Я поехал с ним, посмотрел школу, комнату при школе, понравилось: недалеко от города, хорошее село в 4-х километрах от железнодорожной станции Барлак. Собрали книги, вещи, ванну и с сыном переехали в село. Стали работать. Комната, которую нам выделили, была светлая, большая, но в октябре вода в комнате стала замерзать, так как комната была летняя. Пошли с директором (Лебедзь Вячеслав Евгеньевич, порядочный мужчина) к управляющему отделением совхоза просить жильё. В это время у него уезжал бухгалтер и освобождалась хорошая квартира в двухквартирном деревянном доме. Как мы были рады своей первой квартире. Правда, отопление печное, но мы этого не боялись. Дрова и уголь завезла школа. Зарплата в то время нас почти устраивала. Зажили мы хорошо. Прошёл год, я, переведясь на заочное отделение, окончил 3-й курс института, у меня стало незаконченное высшее образование. Как-то, видимо, я неплохо сработал как завуч, и летом 1962 года меня пригласил к себе заведующий районным отделом образования и предложил переехать в соседнее село Локти директором школы. Я поехал, посмотрел школу и в ужасе от здания вначале отказался. Заведующий РОНО, человек бывалый, говорит: «Ну что же, второй раз ничего предлагать не буду». И я, посоветовавшись с женой, дал согласие, к тому же бывший директор этой школы поддержал моё решение, успокоил. Он проработал там 3 года по распределению из Ленинграда. В общем, переехали мы в Локти. Это то село, которое описал писатель Иванов в романе «Повитель». Школьное здание было перестроено из поповского дома ещё в 1920 году, обветшало, вокруг школы и внутри я насчитал 34 подпорки, 4 классные комнаты, во дворе ещё один класс, ма-

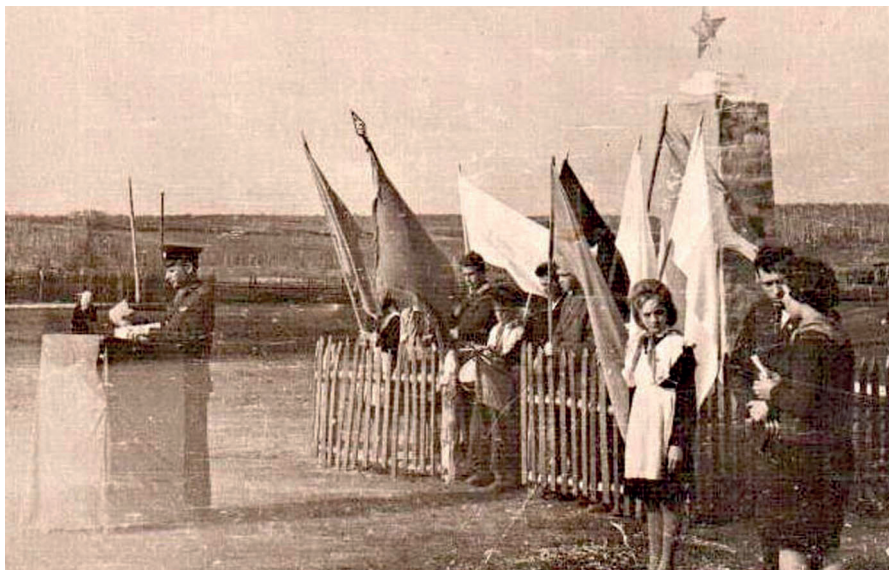
стерские, сарай с лошадьё. Вот такое хозяйство. Правда, педагогический коллектив был неплохим. В это время в селе жили военнослужащие (офицеры и прапорщики), они строили недалеко от села ракетную площадку. В селе построили 2 финских сборных дома по 4 квартиры в каждом, жёны офицеров (4 человека) были учителями с высшим образованием, учителя начальной школы были почти все местные жители. В школе было около 320 учащихся.

Квартира директора была через дорогу, около большого озера – 2 комнаты и кухня, жить можно. Правда, детского сада в селе не было, пришлось отдавать сына к доброй тётё.

Что при советской власти было хорошо, так это то, что даже в далёких сёлах можно было получить качественное образование. В школу постоянно направлялись выпускники западных вузов, в Локтинской школе работал учитель биологии из Пензы, математики – из Вологды, географии – из Омска, учитель иностранного языка из Новосибирска. Все учителя 5–7 классов были с высшим образованием.

Летом 2015 года я вновь посетил село Локти. Зрелище удручающее: в селе осталась только начальная школа, всего 11 учеников, ещё 15 ежедневно на автобусе возят за 18 км в соседнюю школу. А как возят, если зимой дорогу заметает снегом, весной непролазная грязь, учителей в школе нет. А когда-то это было очень большое село, с мощным хозяйством, одно из самых старинных сёл в Сибири, через которое пролегал московский тракт, где были 4 конных станции, они ежедневно перевозили по 3–4 повозки. Кстати, мы нашли там клад медных монет – 2,5 ведра, в основном это монеты из колыванской меди Сузунского монетного двора.

Я начал с того, что на первом же большом совещании в Новосибирском райисполкоме поставил вопрос о строительстве в селе школы. Меня заверили, что да, в планах есть строительство новой школы. Прошёл год, о строительстве никто не помышлял. Вновь я резко выступил на совещании в райкоме КПСС Новосибирского района, и вновь мне пообещали, что новая школа будет через год. Через год я не выдержал и написал резкое письмо на имя Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Бреж-

нева Л.И. Через месяц получаю правительственную телеграмму о том, что уже осенью этого года начнётся строительство школы, а через год школа будет сдана. Меня срочно вызвали в райком КПСС, и чего я только там не выслушал, а главное, как я посмел обращаться в высокие инстанции, вопрос решался о снятии меня с работы. Но потом страсти утихли, а осенью приехала рота курсантов Новосибирского военно-политического училища. За два дня они выкопали траншею под фундамент, осенью этого же года был заложен фундамент новой школы, а через год мы вошли в новенькое здание школы с новым современным оборудованием! Стоит школа и до сих пор, хотя теперь пустая, всего-то 11 учеников!

Вместе со школой был сдан и новый двухквартирный дом для учителей, в котором стали жить 4 учителя. Вспоминается один интересный эпизод из жизни в Локтях.

1965 год, 40-летие Великой Победы, задумали с детьми построить памятник воинам-односельчанам, не вернувшимся с войны. Список таких односельчан был солидным. Иду к управляющему отделением с просьбой выделить мне 500 кирпичей для памятника. Отказ, не могу, кирпичей нет. Прихожу в школу,

собрал на линейку старшеклассников (с 5 по 8 классы), попросил каждого принести по 3–4 кирпича, как свой вклад в строительство памятника. Наутро на месте строительства лежит огромная куча кирпичей. Звонит днём управляющий отделением: «Ты что наделал, дети растащили кирпич со стройки!» Отвечаю, что это не доказано, дети нашли кирпич дома. 9 мая 1965 года торжественно открыли памятник. Проезжал в 2015 году – памятник стоит!

Прошло 5 лет, мы в новой школе, в новой квартире, родилась в 1966 году дочь. Нужно было думать о дальнейшей жизни. Сыну через год в школу, дочке нужен детский сад, да и мне скучно стало в восьмилетней школе, хотелось попробовать себя в средней школе. Своё дело я знал, построил хорошую школу, стоит и сейчас. В РОНО предложили переехать в село Смоленка, что в 5 км от станции Сокур. Я поехал посмотреть, восхищённый приехал домой. Новый аграрный посёлок, кирпичные двухэтажные дома со всеми удобствами, котельная, баня, дом культуры, дом быта, где была столовая, парикмахерская, ателье, фельдшерский пункт, новая двухэтажная контора совхоза – миллионера, новенькая двухэтажная школа, только что отстроенная, со спортивным залом, столовой, кабинетами физики, домоводства, биологии-химии, квартирой для директора, рядом современный детский сад.

В селе была лишь начальная школа, а детей остальных классов возили на станцию Сокур. Теперь решили построить свою школу и всех детей совхозных рабочих (из 5 сёл) возить в новую школу, при школе построили интернат на 90 мест. В общем, нам понравился посёлок, мы переехали туда. Дочь определили в детский сад. Мне пришлось 2 месяца оборудовать здание школы: закупили мебель, оборудование, шторы, оборудование для столовой, для интерната. И вот 11 декабря 1967 года открылась новая школа, сразу средняя. Благо в такой посёлок была уже очередь из желающих работать учителем. В этом же году заложили 16-ти квартирный дом для учителей. Год учителя прожили где могли, в частности в помещении бывшей начальной школы, а через год все учителя справили новоселье, получили квартиры с удобствами рядом со школой. Это было замечательное село. В

2015 году я побывал и в Смоленске. Впечатление такое: котельная не работает, в домах поставили «буржуйки», трубы вывели в форточки, баня развалилась, помещение интерната растащили по кирпичику, количество учащихся в школе сократилось, там сейчас обучается не более сотни детей. Совхоз ликвидировали, люди ездят на работу в город, в Сокур, улицы заросли сорняками, погибло село. А в те времена это село показывали как образцово-показательное всем гостям из Москвы, иностранным гостям, там жил студенческий отряд из ГДР! В этой школе мы с женой проработали 11 лет. Выросли дети, здесь впервые я почувствовал себя педагогом, был участником 1-го областного съезда учителей, окончил аспирантуру при Новосибирском педагогическом институте, на базе школы написал свою диссертацию «Система работы школы по воспитанию навыков культуры поведения», часто выступал с лекциями в Новосибирском институте усовершенствования учителей, на региональных и международных форумах. Школьная производственная бригада (доярки) была участницей Выставки достижений народного хозяйства СССР 1973 года, участницей всесоюзного слёта ученических бригад в Ставрополе, наши волейболисты были первыми в области. В

общем, это было время расцвета школы, успехов её педагогического коллектива. Очень хочется сказать, что нынешний коллектив чтит заложенные хорошие традиции и школа считается одной из лучших в Мошковском районе. Смоленская средняя школа была почти образцом хорошей советской школы. Построенная на идеях А.С. Макаренко, она давала хорошие знания – многие выпускники в то светлое время поступали в престижные ВУЗы города: Новосибирский Государственный университет, медицинский институт, электротехнический институт, институт связи, институт народного хозяйства и др., это тогда, когда о

*Кость мамонта нашли в
Маслянинском районе*

коррупции никто и не слышал, когда был в ВУЗах здоровый конкурс по 5–10 человек на место. Это сейчас поступают в ВУЗы все, у кого есть деньги на оплату обучения, когда дипломы о высшем образовании покупают в рассрочку на 4–5 лет.

В школе был свой инструментальный ансамбль под руководством учителя музыки Белоножко Анатолия Сергеевича, была хоккейная коробка, был акробатический цирк, были волейбольные команды, державшие первенство в районе и области. А самое главное – система воспитательной работы была выстроена так, что дети и учителя действительно были единым коллективом. В школе долгое время работала производственная бригада, где девушки целый год учились на мастеров машинного доения, была тесная связь школы и совхоза. Дети участвовали в уборке свеклы, моркови, картофеля, зарабатывали деньги на ежегодные поездки по стране (на Алтай, в Москву, в Ленинград, по Новосибирской области).

В школе была своя автомашина, парни обучались на водителей, в школе был свой сад. Прошло почти 50 лет, но выпускники

первых лет до сих пор общаются между собой, поддерживают связь с учителями, а учителя между собой. Большой вклад в развитие школы внесли учителя: Белоножко Анатолий Сергеевич и Римма Александровна, супруги Режепы – Александр Алексеевич и Ирина Адольфовна, Якуб Степан Иванович, Кузнецова Эмилия Александровна, Сидорова Валентина Михайловна, Рудневы Галина Михайловна и Николай Александрович, Евсюкова Людмила Валентиновна и многие другие. Мы и сейчас поддерживаем с ними связь. Газета «Мошковская новь» регулярно помещала статьи о работе нашей школы.

Но время летит, сын окончил школу, нужно было думать о будущем семьи, и мы стали искать возможность переехать в город Новосибирск. Мы были ещё молоды, в расцвете творческих сил и в городе нас сразу заметили. Меня приняли директором школы № 115, что на улице Бугурусланской в Октябрьском районе, а через 5 лет перевели в одну из самых больших школ Октябрьского района – в школу № 186, что на улице Бориса Богаткова, 189.

Там я проработал 24 года, оттуда и ушёл на пенсию. В это время я был уже сформировавшимся педагогом, у меня были свои педагогические идеи, был большой опыт работы. Школа

Подробнее о работе в школе № 186 читайте в книге «Школа, мы твои ученики», г. Новосибирск, 2015 г., Храпов Ю.Т.

стала одной из лучших в районе и городе. Большой творческий коллектив, другие времена, большие возможности для творчества. За эти годы меня достаточно хорошо оценили: я был одним из немногих директоров в городе, получивший звание «Учитель-методист», значок «Отличник народного просвещения», диплом «Лучший педагогический работник Новосибирской области», множество грамот и почётных знаков от города и области, а в 2004 году был награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. На пенсию ушёл в 74 года. Общий мой стаж работы свыше 50 лет, в том числе в должности директора школы – 48 лет.

Я руководствовался правилом, которое мне однажды преподавал первый секретарь Новосибирского обкома КПСС. Приехав к нам в школу на партийное собрание, он обошёл школу, за что-то похвалил, а мастерские ему не понравились: оборудование, верстаки были изрядно изношены. Он спросил, почему не требуете от своих шефов (завод «Труд») обновить оборудование. Я сказал, что завод и так нам очень много помогает – посмотрите учебные кабинеты, столовую, котельную. Он сказал: «Вы жалуете шефов, но запомните, что вы директор школы, и для вас не должно быть ничего главнее забот о школе. Если вы хотите чего-нибудь добиться – не жалейте никого для блага школы». Эти его слова помогли мне стать настойчивым в борьбе за интересы школы, я не стеснялся самых высоких «кабинетов», если нужно было решить вопросы школы, и в этом я преуспевал. В школе № 186 я воплотил в жизнь все свои педагогические идеи – школа получила статус сначала «авторской с дифференцированным профильным обучением», потом она стала адаптивной школой, школой, где были общеобразовательные, гимназические и лицейские классы. Дважды школа становилась победителем конкурсов областного и общероссийского конкурсов школ, внедряющих инновационные технологии. Премияльный фонд составил 1,5 млн. рублей.

Я и здесь сделал своё главное дело – я принял школу № 186 в 1988 году в аварийном состоянии, а оставил в 2011 году новенькую школу – после комплексного капитального ремонта. Теперь школа будет стоять ещё, как минимум, 70 лет.

ГЛАВА VIII

Семья

*«Печально я гляжу на наше поколение.
Его грядущее – иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья
В бездействии состарится оно».*

М. Лермонтов «Дума», 1838 г.

Жена, в девичестве *Петрова Екатерина Павловна*, 1942 года рождения, родилась в посёлке Советский Болотнинского района. Отец её, *Петров Павел Филиппович*, 1895 года рождения, участник Великой Отечественной войны, прошёл всю Европу, награждён тремя боевыми наградами, в том числе орденом Отечественной войны II степени (не 1985 году, а в 1944), вернулся с фронта домой, работал в колхозе до ухода на пенсию.

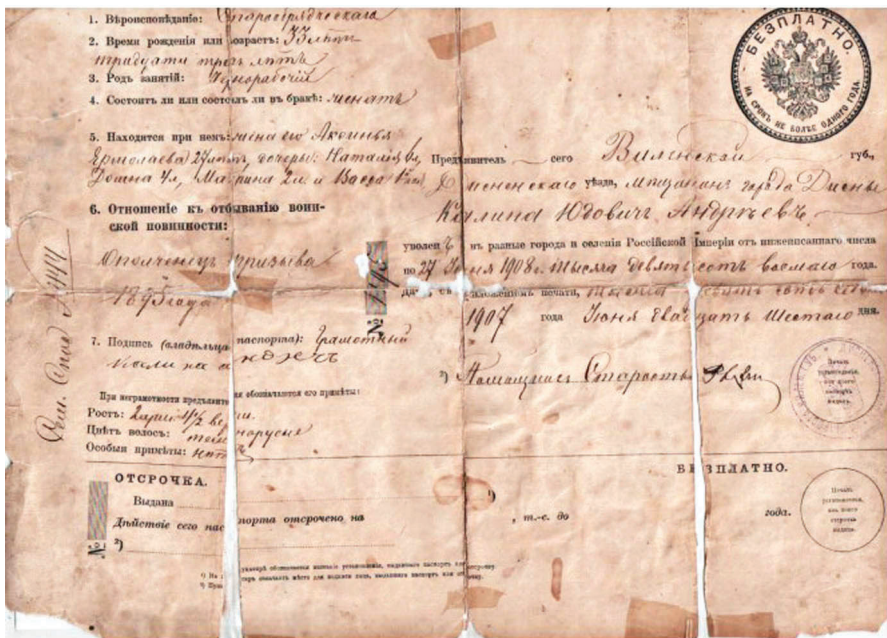
Мать (в девичестве *Андреева*) *Васса Калиновна* приехала в Сибирь в 1907 году годовалым ребёнком, тоже всю жизнь работала в колхозе. Кроме дочери, в семье был ещё старший сын *Николай Павлович*, старше *Екатерины* на 14 лет, работал на станции *Болотная* всю жизнь, там и жил с же-

ной и дочерью Анной. В посёлке Советский была только начальная школа. Окончив её, Екатерина поступила в среднюю школу в селе Зудово, что в 7 км от дома. Жила все годы на квартире, и только в последний год при школе построили интернат, куда со всей округи (из 8–10 сёл) съезжались ученики. Зудовская средняя школа была одной из немногих средних школ в округе. Шесть дней жили в Зудово, а на воскресенье, кто как мог, расходились или разъезжались по домам.

Шесть дней жили в Зудово, а на воскресенье, кто как мог, расходились или разъезжались по домам.

Паспорт переселенца Вассы Калиновны

«Училась я с удовольствием все годы, была и пионеркой и комсомолкой. В школе у нас был хороший учитель физической культуры, он приучил меня к лыжному спорту. Много раз я выступала на школьных, районных и областных соревнованиях. В семье и сейчас хранится добрый десяток почётных грамот и дипломов за победы на различных соревнованиях по лыжам. А в остальном юность у нас с мужем была одинаковая: есть что вспомнить, есть чем гордиться, ни за что не стыдно, это и роднит нас все 56 лет совместной жизни. В 1959 году я окончила школу и поступила в Новосибирский педагогический институт на историко-филологический факультет. Там, на соревнованиях по стрельбе из малокалиберной винтовки, мы и познакомились со своим будущим мужем. На первом курсе я жила на частной квартире на улице Державина. Частный дом, две комнаты. На кухне стояла кровать для хозяев дома, другую комнату сдавали, на площади 16–18 кв. метров жили ещё 5 постояльцев. Моя была только кровать. Когда Юра увидел, в каких условиях я живу, он на общепедagogическом партийном собрании (он уже был в это время коммунистом) поднял вопрос о невозможности так жить будущей учительнице. Через два дня декан нашёл мне место в общежитии. В это время пятикурсники уезжали на полугодовую практику в школы области, освобождались места в общежитии на улице Ленина. После первого курса мы записались на работу в Здвинский пионерский лагерь – муж стал начальником лагеря, я воспитателем. Там, в Здвинске, мы и поженились. А через год у нас родился сын, мы

в то время закончили 2-й курс и вынуждены были перевестись на заочное отделение и поехали на работу в село Барлак, потом в Локти, потом в Смоленку. За это время я родила ещё дочь – Марину. Было трудно, мы всегда поддерживали друг друга, вместе преодолевали все невзгоды. Куда бы мы ни переезжали, мы знали, что нас обеспечат работой и жильём. Мы были уверены в завтрашнем дне, поэтому все силы отдавали работе. Оба окончили институт, у обоих получалась работа. В моей папке десятки почётных грамот от разных организаций за хорошие показатели в работе. Я награждена медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Ленина», почётными знаками «Победителю социалистического соревнования», «Отличник просвещения РСФСР», медалью «Ветеран труда». В 1983 году я поступила на работу в школу № 2 посёлка Краснообск, но так как места учителя русского языка в школе не было, я пошла работать учительницей начальной школы. Через два года мне с семьёй выделили трёхкомнатную квартиру, в которой мы и проживаем в настоящее время. Проработав 24 года в школе № 2, в 65 лет ушла на пенсию, мой общий трудовой стаж составил 46 лет педагогического труда.

У нас двое детей, четверо внуков, есть и первая правнучка».

Дети

Сын – *Михаил Юрьевич*, родился 7 августа 1961 года, в день, когда в космос отправился космонавт № 2 Герман Титов. Я в это время работал в пионерском лагере «Дзержинец» инструктором по плаванию, чтобы заработать денег на первые расходы на сына. Правда, в то время врачи не определяли, кто родится – девочка или мальчик, но я был уверен, что родится сын, и мы заранее называли его Михаилом, в честь

Лермонтова М.Ю., моего любимого поэта. Думал, что мой сын тоже будет поэтом. Как говорят, как корабль назовёшь, так он и поплывёт: но на сей раз судьба не оправдалась. Привезли мы его

в общежитие, где мы с женой тогда занимали небольшую комнату, а через 2 недели мы уже уехали на работу в село Барлак. Жить нам было не на что, так что оба сразу вышли на работу. Жена взяла всего 8 часов нагрузки, а я стал завучем и учителем истории. А сына растили по очереди – жена на уроки – я домой, я на работу – жена дома. Так по очереди и бегали и в Барлаке, и в Локтях, правда, там иногда отводили Мишу к тётке Нине, которую он стал звать мама Нина. Иногда мы отвозили его то к одной, то к другой бабушке, но им было трудно, он был шустрый, убегал от них, они едва его догоняли. В 1-й класс я сначала отдал его в 6 лет, он читал, считал, решал примеры и задачи. Но когда в школе ему стали задавать письменные работы (писать буквы, решать примеры) он не захотел это делать. Походил в школу две недели, и мы его забрали – пусть подрастёт. Когда мы переехали в село Смоленку, через год он пошёл в 1-й класс, там же и закончил школу. Там он пристрастился к спорту, занимался хоккеем, в школьном цирке был канатоходцем, учился неплохо, особых проблем и с учёбой и с поведением не было. После 8 класса мы хотели отдать его в Суворовское училище в городе Уссурийске. Я уже оформил в военкомате документы, надо было готовиться ехать на экзамены, но он стал плакать, и нам стало жалко его. Думали – отдадим его в 14 лет в училище, потом он в другое поступит и не увидим мы больше сына. Так и не поехал в Уссурийск, окончил потом среднюю школу, но поступать сразу никуда не захотел. Год работал в школе лаборантом в кабинете физики. А через год он поступил на исторический факультет Новосибирского педагогического института. Не успел он сдать последний государственный экзамен, как в тот же день его призвали в Советскую Армию. Сначала он учился в школе младших авиационных специалистов в Рубцовске Алтайского края, а по-

том служил в городе Армавире в высшем военном авиационном училище. Вернувшись из армии, поступил на работу в школу № 96 Дзержинского района города Новосибирска. Был неплохим учителем, ученики любили его, он был очень старательным, к урокам готовился тщательно. Вскоре женился, у них родился сын Максим. Жили дружно, у него была хорошая квартира на улице Федосеева, 34. Но тут грянула Горбачёвская перестройка, всюду открывались различные кооперативы, пошла зараза на большие деньги. И он однажды сказал: «Отец, мне стыдно ходить в старых туфлях и дешёвой одежде. Что я хуже тех, кто зарабатывает большие деньги». И ушёл на заработки больших денег сначала в строительную организацию, а потом создал собственную торговую фирму «Флора», весьма преуспел, купил машину, появились бешеные деньги и разгульная жизнь. По характеру он добрый, доверчивый, он не мог быть жёстким бизнесменом, через 4 года он разорился, вернее, его разорили, на смену небольших фирм появились московские, петербургские воротилы. Не выжил он в бизнесе. После этого он пробовал ещё много раз заниматься бизнесом, цепкая память не отпускала его сознание, что он вновь будет миллионером, но пока этого не случилось, бизнес есть, но миллионов нет. Видно, фарт случается один раз в жизни! У него два сына – Максим и Михаил.

Дочь – *Марина Юрьевна Лобода*, родилась в 1966 году. Ожидание родов было долгим. Жену положили в больницу за месяц до родов с токсикозом. Прошёл месяц, а роды не начинаются. Я позвонил главному врачу, он сказал, что если через неделю не начнутся схватки, то их вызовут искусственно. Но через три дня после этого начались схватки и родилась наша дочь. Долго не могли придумать имя. Наконец, написали несколько имён по 2 экземпляра, сложили в шапку, договорились дать то имя, которое оба вытащим из шапки. Вытянули одно имя, сыну оно не понравилось, и решили пусть будет Марина. Через год мы перевезли к себе в Смоленку тестя и тещу, дети жили в одной комнате

с ними. Через год тесть умер, и дети росли с бабушкой Вассой. Она и оказала большое влияние на формирование характера Марины. Маленькая, крепенькая, очень самостоятельная, упорная. Бывало, в 1-м классе, до школы далеко, зимой сугробы, я несу её ранец. Вот подходим к школе, она требует, чтобы дальше ранец несла сама, не дай Бог, кто-то увидит, что ранец несёт отец! Училась Марина упорно и хорошо, с нею не было никаких проблем. А после окончания восьми классов мы увидели, что в школе не стало сильных учителей (я в это время уже уехал в город), решили, что после 10 классов знаний для поступления в институт не будет. Решили, пусть идёт в техникум. Она выбрала техникум лёгкой промышленности, отделение трикотажников, очень хорошо его окончила, по распределению была направлена на трикотажную фабрику «Сибирь», что за кинотеатром Маяковского. Она быстро освоила свою специальность технолога трикотажного производства, а вскоре её продвинули в художественную лабораторию, где она создавала рисунки для тканей.

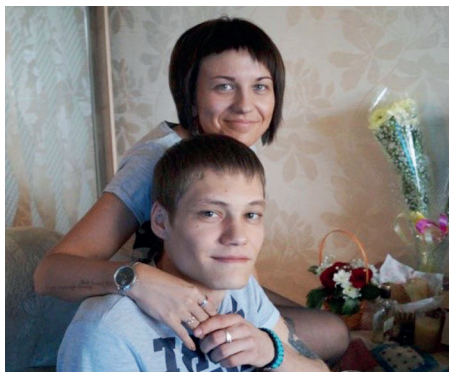
Вышла замуж за Лободу Владимира Николаевича, родила дочь и сына. За это время трикотажная фабрика «Сибирь» прекратила своё существование.

Теперь она работает в коммерческой фирме «Проксима», в отделе контроля за качеством продукции. Муж умер, она практически одна поднимала детей.

Дочь Анна окончила Новосибирский педагогический университет факультет английского языка, живёт и работает в Сочи. Сын Сергей работает торговым представителем, отслужил один год в армии, заочно заканчивает торгово-экономический колледж. Получил права водителя автомобиля.

Внуки

Максим Михайлович, старший сын, 1988 года рождения, мама его Наталья, отец – Михаил. Максим окончил 11 классов в школе №186, учился вполне успешно, поступил сразу же в Новосибирский аграрный университет по принципу – этот университет самый ближний от дома. Чувствуется, что занятия ему были не по душе, он оставил университет, не доучившись и одного

та, которая подогревается постоянно средствами рекламы с единой целью – убедить, что государство поддерживает малый бизнес, что это очень легко – заработать миллионы. На самом деле обрекают молодёжь на пустые мечтания, а неудачники быстро

найдут развлечения в виде алкоголя, наркоты, а значит быстро превратятся в быдло, которым легко управлять. Правда, Максим не скатился вниз, он успокоился, работает, женился. У него хорошая жена Юля.

Анна Владимировна Лобода, дочь Марины Юрьевны. Девочка была очень упорная. С 1-го класса стала изучать английский язык, в начале в школе №186, где она начала учёбу, потом, после переезда в Краснообск, в классе с углубленным изучением английского языка, потом несколько лет занималась индивидуально с учительницей английского языка из школы № 186, два раза в неделю ездила на занятия. Потом вместе с классом школы № 186 два года обучалась в лицейском классе СИМОР (Сибирский институт международных отношений). После окончания школы поступила в Ново-

сибирский педагогический университет (факультет иностранных языков, на отделение – английский язык). После окончания университета 1 год проработала в школе № 2 пос. Краснообск, но профессия учителя ей по душе не пришлась. Последние 3 года она живёт и работает в Сочи, куда уехала по набору для Сочинской олимпиады, там и осталась.

Анюта упорная, трудолюбивая, с хорошими жизненными принципами, думаем, что она найдёт свою дорогу в жизни.

Михаил Михайлович, сын Михаила от второго брака. Окончил лицейский класс при школе № 185 в Октябрьском районе, поступил в институт связи, проучился год, через год оставил институт, захотел самостоятельной жизни. Работает в рекламном отделе. Парень с творческим характером, упорный, общительный. Женился. Жена Алёна. Вскоре у них родилась дочь Елена Михайловна Храпова, наша первая правнучка. Ежемесячно они приезжают к нам в день её рождения. Радует нас, мы очень любим первую правнучку.

Сергей Владимирович, младший внук. Мать с двумя детьми (Анна и Сергей) жили в однокомнатной квартире в п. Краснообск. Когда дети стали большие, Сергей переселился к бабушке с бабушкой. Здесь у него своя комната, с компьютером, телевизором, бабушка готовит, стирает. Серёжа фанат спорта, с 1-го клас-

*Первая правнучка – Храпова Елена Михайловна,
11 месяцев*

са занимался классической борьбой, потом перешёл на хоккей, потом на футбол. После 9-го класса поступил в Новосибирский колледж олимпийского резерва, на отделение футбола, но после 2-го курса ушёл, слишком тяжело давались ему гимнастика, плавание. Пошёл работать, потом сдал экзамены за курс средней школы, был призван в Российскую армию, служил в Ульяновске и Хабаровске. До армии окончил шофёрскую школу, получил права. Сейчас на машине работает торговым

представителем в одной крупной фирме. Живёт также с нами, привык. Мечтает о своём бизнесе. Уже попробовал, но не совсем удачно, но мечту о бизнесе не оставил.

ГЛАВА IX

Друзья

Друзей много не бывает. У нас немного семейных друзей, но дружба с ними очень давняя и надёжная.

Коринец Тамара Ивановна, Коринец Анатолий Варфоломеевич – дружим мы с ними с 1962 года и по сей день. Познакомились мы в селе Локти, Тамара пришла работать в школу библиотекарем и секретарём. Муж её работал трактористом, потом агрономом. Тамара Ивановна очень упорная по характеру. У неё в то время было 7 классов образования. Она поступила в вечернюю школу, окончила её, поступила в педагогическое

училище, стала работать учителем начальных классов. А вскоре она с семьёй уехала на Север, на строительство нефтепровода, Муж её, Анатолий Варфоломеевич, стал трубоукладчиком, она подрабатывала, где могла. Через несколько лет они получили квартиру в Новосибирске, Анатолий продолжал работать всё там же, а Тамара Ивановна поступила на заочное отделение педагогического института

на факультет логопедии. Окончила его, долгое время работала логопедом в Дзержинском районе. Муж побывал в Венгрии на строительстве газопровода, потом в Ираке, а Тамара Ивановна растила детей – дочь и сына. Анатолий Варфоломеевич отличный работник, скромный, награждён орденами и медалями, главная награда его – орден Ленина. Привык к жизни в таёжных условиях, его не прельщает город, он построил себе огромный дом в лесу, в Болотнинском районе, там и живёт, изредка бывает в Новосибирске. Тамара Ивановна живёт одна в однокомнатной квартире, рядом живут её дочь и внучка. Мы часто бываем у неё в гостях.

Завялов Николай Прокопьевич и Марина Васильевна, познакомились мы в 1970 году. Познакомили нас с ними Коринцы, они вместе работали на Севере: Николай сварщиком, Марина мать двух девочек, жили они вместе с Коринцами в вагончиках, жили дружно. Николай вскоре уехал в командировку в Финляндию, там тоже тянули газопровод. После приезда из Финляндии они переселились в Новосибирск. Затем Николай Прокопьевич уехал в Анголу на 2 года, следом за ним уехала и Марина Васильевна, а квартиру оставили нам. В этой квартире я и жил, когда работал завучем в школе № 186.

У Николая «золотые руки», он сварщик высочайшей квалификации, никогда и никому не отказывал в помощи. Марина – хлебосольная хозяйка, в её доме всякий праздник полно гостей, причём гости самые разные – от простого шофёра до кандидатов наук, всем вместе нам всегда интересно.

10 лет назад с Николаем Прокопьевичем случилось несчастье, он упал и сломал позвоночник. Теперь он привязан к кро-

вати и коляске. Марина для него жизнь. И Марина выносит все тяготы судьбы, не унывает, работала всю жизнь, принимает гостей, сама бывает в гостях.

У них две дочери, есть уже и внуки.

Наша дружба с этими людьми абсолютно бескорыстная.

Пысины Валентин Васильевич и Людмила Александровна.

С ними мы познакомились в 1978 году, он в то время служил в Советской Армии в звании капитана, она – учительница английского языка работала заместителем директора школы по учебно-воспитательной работе (завучем) в школе, где я был директором. С тех пор мы дружим се-

мьями. Валентин Васильевич стал полковником, ушёл в запас, после этого трижды избирался депутатом Новосибирского городского совета. Мы вместе растили детей, помогали чем могли друг другу. Есть одно замечательное событие – 9 Мая – это день Победы и день рождения Валентина Васильевича: он родился в 1945 году. Этот двойной праздник мы всегда отмечаем вместе у Пысиных. У нас в одном обществе дачи, наши дети знают друг друга.

Сын Валентина Васильевича пошёл по стопам отца, сейчас он подполковник, преподаватель военной академии в Москве, дочь окончила институт связи, работает в Новосибирске.

В 2015 году мы отмечали 70-летний юбилей Валентина Васильевича и Людмилы Александровны и 50-летие их свадьбы. Сейчас они оба на пенсии. Людмила Александровна всю жизнь проработала в образовании – учителем, завучем, методистом в РОНО, заведующей райметодкабинетом, активно участвует в политической жизни Новосибирского района, член КПРФ.

Очень интеллигентная семья, у нас всегда есть о чём поговорить, о чём поспорить. Нашей дружбе 37 лет!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Зачем я написал эту книгу? Для вас, наши дети, внуки, правнуки. Я хотел, чтобы кое-какие знания из нашей истории вы почерпнули не из лживых сообщений телевидения, не от борзых журналистов, не от псевдоисториков типа Солженицына, Кургуяна, Млечина, Сванидзе, Чубайса И.В. и других.

Мы родились, выросли, получили образование, трудились в те годы, которые называют советскими временами. Я не берусь за исторически справедливые оценки того времени, я всего лишь – мельчайшая частица людей нашего времени, обо всем я сужу с точки зрения субъективной. Абсолютной истины, как известно, нет. Каждая истина относительная, но из совокупности относительных истин, только из них, складывается абсолютная истина.

Надо, чтобы правда только была построена не на относительной лжи. В какой-то определенный исторический период ложь становится сутью жизни многих людей, она по сути становится правдой (истиной).

Вот некоторые примеры, когда ложь овладевает сознанием людей:

1. В советское время коммунисты не разрешали держать дома иконы, преследовали тех, кто отправляет религиозные обряды. Заявляю, это самая бессовестная ложь. Сколько я помню, в нашем доме, в домах родственников, соседей, друзей всегда висели иконы в самом переднем углу дома. И никто никогда на них не покушался. Маленькая ложь, но если ее ежедневно транслировать на многих каналах, у тех людей (молодых), которые не жили при советской власти, складывается впечатление, что эта ложь – правда.

2. Если послушать современных «историков», типа Солженицына, Кургуеняна, Млечина и других, то в советское время в Гулагах погибло почти 20 миллионов людей. Еще больше погибло в годы гражданской войны и в годы Великой Отечественной войны еще 30 миллионов. Посчитайте, если за годы с 1917 до 1945 г. погибли 50 миллионов человек, то кто же тогда остался жить? Если на время начала Великой Отечественной войны в СССР жило 160 миллионов человек, и по переписи 1947 года 155 миллионов человек?

3. Что в комсомол и КПСС шло отребье: карьеристы, воры, бесчестные люди. Я знаю партийные организации совхозов, заводов, школ. Туда (в партию) отбирали самых достойных тружеников, не то, что в Единую Россию. Попасть в партию человеку непорядочному, пьянице, лодырю было невозможно. Партия действительно была честью и славой нашей страны. А если и попадались подлецы, то их быстро выводили на чистую воду.

4. Где рабочий класс? Куда делись миллионы заводских и совхозных рабочих? Их заставили торговать, оказывать услуги. Сделано такое преступление против России, что возродить сейчас ее промышленную мощь, пожалуй, невозможно будет. Кто это сделал?

Что дала нам советская власть? Все. В моей семье получили бесплатно высшее образование я, моя жена, сын, внучка, средне-техническое – дочь. Мы никогда не бедствовали с жильем, где бы ни работали – в селе ли, в городе, жилье нам давали за работу. В нынешнее время мы за всю жизнь не заработали бы на трехкомнатную квартиру! За советское время я больше 10 раз побывал в санаториях (в Гаграх, Сочи, Пятигорске, Налъчике, Кисловодске, Цхинвали и в санаториях Новосибирской области). Стоила путевка на 21 день 30–40 рублей (при моей зарплате в 160–180 рублей), перелет до Сочи еще 50 рублей. В новой России туда теперь нам пути нет! Мы никогда не бедствовали. Да, в магазинах не всегда было 10 сортов колбасы, но и стоила она! «Краковская» колбаса стоила 3 руб. 50 коп. за килограмм, вареная – 1 руб. 60 коп. На рынках в городе было всегда полно мяса, фруктов, овощей. Правда, стоимость там бы-

ла рыночная. Если в магазине килограмм мяса стоил от 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 80 коп, то на рынке в 2 раза дороже, т.е. 3–4 рубля за килограмм!

Одежда, обувь, особенно детская одежда, стоила очень дешево, проезд в метро – 5 копеек, в автобусе – 6 копеек, в трамвае – 3 копейки. Школьные учебники стоили столь мало, что с сегодняшними нельзя и сравнить. Квартиплата за трехкомнатную квартиру была 5 рублей, обед в ресторане с «возлияниями» – в пределах 10 руб. А зарплата? Да, начинающий инженер получал 120–130 рублей, начинающий учитель – 80 рублей, но этого хватало на безбедную жизнь. На заводах зарплата хороших рабочих (токарей, столяров) достигала 300–350 рублей. В совхозе хороший механизатор зарабатывал в год до 10 тысяч рублей.

А разница зарплат между руководителями и рядовыми была очень незначительная. К примеру, директор завода «Труд» получал в месяц 240–320 рублей, секретарь райкома КПСС – 320 рублей. Такого большого разрыва между богатыми и бедными не было. Сравните, каждый из членов правления «Роснефти» в 2015 году получил в среднем 330 млн. рублей или 20 млн. рублей в месяц. Это в 815 раз больше, чем средняя зарплата по России (33 000 рублей в месяц).

А каждый из членов правления «Газпром» в 2015 году получил в среднем 159 млн. рублей! Это в 390 раз больше, чем средняя зарплата по России.

Как же надо «трудиться», чтобы один человек получал столько, сколько 815 работников?

При этом, что зарплата членов правления «Роснефти» в 2015 году увеличилась на 31%, а «Газпрома» на 17%. Зато зарплата бюджетников сократилась на 9,5 %.

Притом, что учитель получает за нормальную нагрузку 8 тысяч рублей, директор школы 11 тысяч в месяц.

Ни у кого нет права судить о жизни целых поколений, ни у историков, ни у политических деятелей, ни у президентов. Наши предки жили и творили свою историю так, как могли. Суда истории над ними быть не может, а суд историков? Ну что же, историки – люди, они судят так, как прикажут вожди! Никакой

объективности в суде историков быть не может! Надо просто с уважением относиться к деяниям предшествующего поколения, не тревожить их могилы.

Неопубликованное интервью

Вопрос: Были ли вы счастливы?

Ответ: Да.

Вопрос: В чем заключается ваше счастье?

Ответ: Мы делали важное дело – учили детей, давали им знания, воспитывали, были для них примером. Мы не торговали тряпками и колбасой, мы были частью той интеллигенции, которая всей душой и сердцем служила народу, мы никому не завидовали – ни родным, ни друзьям, ни соседям. Наша совесть чиста.

Вопрос: Были ли вы богаты?

Ответ: Нет, мы не были богатыми, но мы не были и бедными, мы были равными с абсолютным большинством нашего народа. Первый автомобиль мне подарил сын на 60-летие. Это была «Ока». Я на ней ездил 3 года, потом продал и купил подержанную «шестерку». Мы сами построили дачу – домик, баню, теплицу. Мы с удовольствием и сейчас работаем на даче. Она нам помогает жить.

Вопрос: Какие идеи вам нравились?

Ответ: Нам нравились коммунистические идеи, наш лозунг «От каждого по способностям, каждому по труду». Нравилось, что весь народ трудился – работали тысячи заводов и фабрик, сотни тысяч колхозов и совхозов, всем хватало работы, у всех была вера в стабильность жизни, в стабильность цен на все товары. Идеи, которые проповедовали, – высокий уровень образования, высокие нравственные идеалы. Мы презирали лень и воровство, мы за крепкие нравственные семьи, мы за то, чтобы литература и искусство служили идеалам высокой нравственности, мы против распущенности в поведении. Мы не признаем тех деятелей культуры, которые используют свой талант только для обогащения, которые готовы на пошлые выходки, которые хвастают тем, что женились и выходили замуж по 5–6 раз, кото-

рые не знают своих детей, не уважают родителей, предают друзей, а заодно и Родину – лишь бы платили деньги.

Вопрос: Чего вам жалко больше всего?

Ответ: Жалко, что страна превратилась в большую барачную, все торгуют и никто ничего не производит. Нам жалко, что наши деревни исчезают с карты страны, что школы во многих селах закрылись, что в оставшихся сёлах нет ни учителей, ни врачей, что многие политики опошляют наше прошлое, то, что делали, как жили наши деды и отцы. Один мудрец говорил: «Если вы выстрелите в прошлое из пистолета, оно ответит вам выстрелом из пушки». Мы понимаем, что прошлым жить нельзя, но и забывать прошлое – преступление. Нам жалко, что нашу страну перестали уважать во всем мире, что мы считаемся самой воровской страной, самой коррумпированной. Коррумпированы все органы власти от министров до последнего чинуши в муниципалитете.

Вопрос: Считаете ли вы, что возможно как-то поправить дело и изменить ситуацию в стране?

Ответ: Сейчас, пожалуй, нет. В стране нет тех здоровых сил, которые бы взяли власть в свои руки и заново возродили Великую Россию. В стране нет политической партии, в программе которой бы значились революционные изменения. Эволюция только ухудшит положение страны. КПРФ давно превратилась в партию, играющую в революционные лозунги, и даже их уже выбросили из программы. А Зюганов страшнее Горбачева, тот развалил страну, похоронил СССР, а Зюганов зарывает эту могилу.

Вопрос: Что ждет ваших детей и внуков?

Ответ: То, что сказал М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Дума»

«Печально я гляжу на наше поколение!

Его грядущее – иль пусто, иль темно...»

Вопрос: Почему такой пессимизм?

Ответ: Следующее поколение уже отвыкло создавать, оно умеет только потреблять. Значит, ничего не создаст, доворует то, что создало поколение при социализме, только и всего.

Вопрос: Жизнь прошла! А что осталось?

Ответ: Говорят, что человек должен за свою жизнь построить дом, посадить дерево и воспитать сына.

У нас всё это свершилось:

Есть квартира, правда не коттедж. Деревьев мы посадили множество, есть сын, дочь, 4 внука и пока единственная правнучка. Но надеюсь, будет больше. И ещё. Нам ни за что не стыдно, не стыдно за прожитые годы, у нас чистая совесть, мы всю свою жизнь отдали делу обучения и воспитания детей. И мы были неплохими учителями, нас помнят и уважают наши ученики. Жизнь прожита не зря.

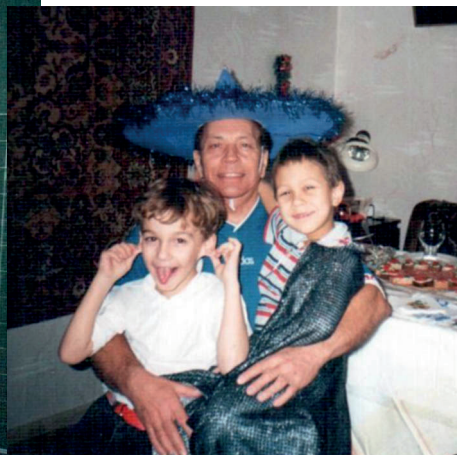
В семье у старшего брата. 2013 год

Бабушка Катя с внуками

Екатерина Павловна в своем классе

Дед Юра с внуками в Новый год

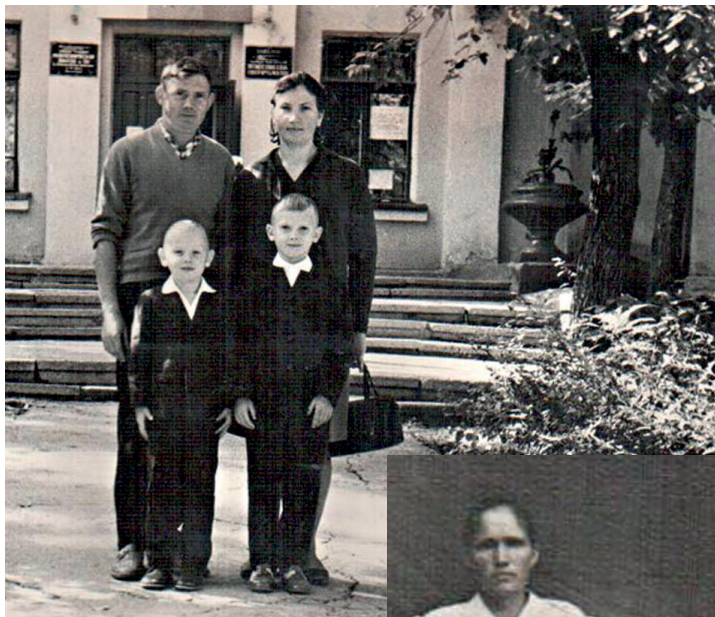
*Агафья Семёновна
Леонова
с внуком*

Мама - модница (справа)

*Зинаида Семёновна, учительница на-
чальных классов*

Семья Анисимовых

Дед Семён с семьёй

*Зинаида Семёновна
и Мария Семёновна*

*Кольшикин Яков Семёнович
(второй ряд, первый слева)*

*Фёдор Семёнович
Кольшин (слева),
1928 год*

Семья деда Семёна